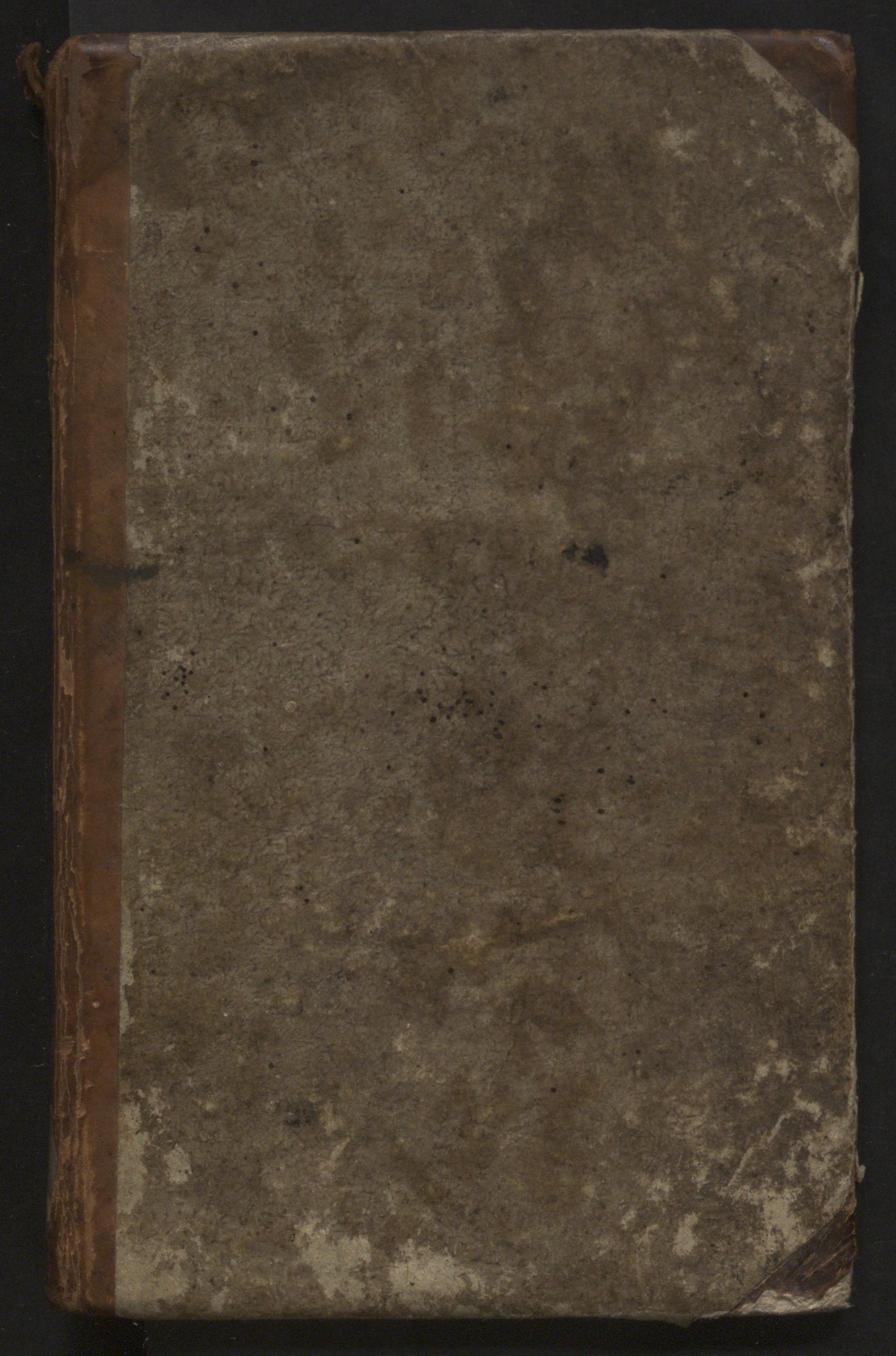
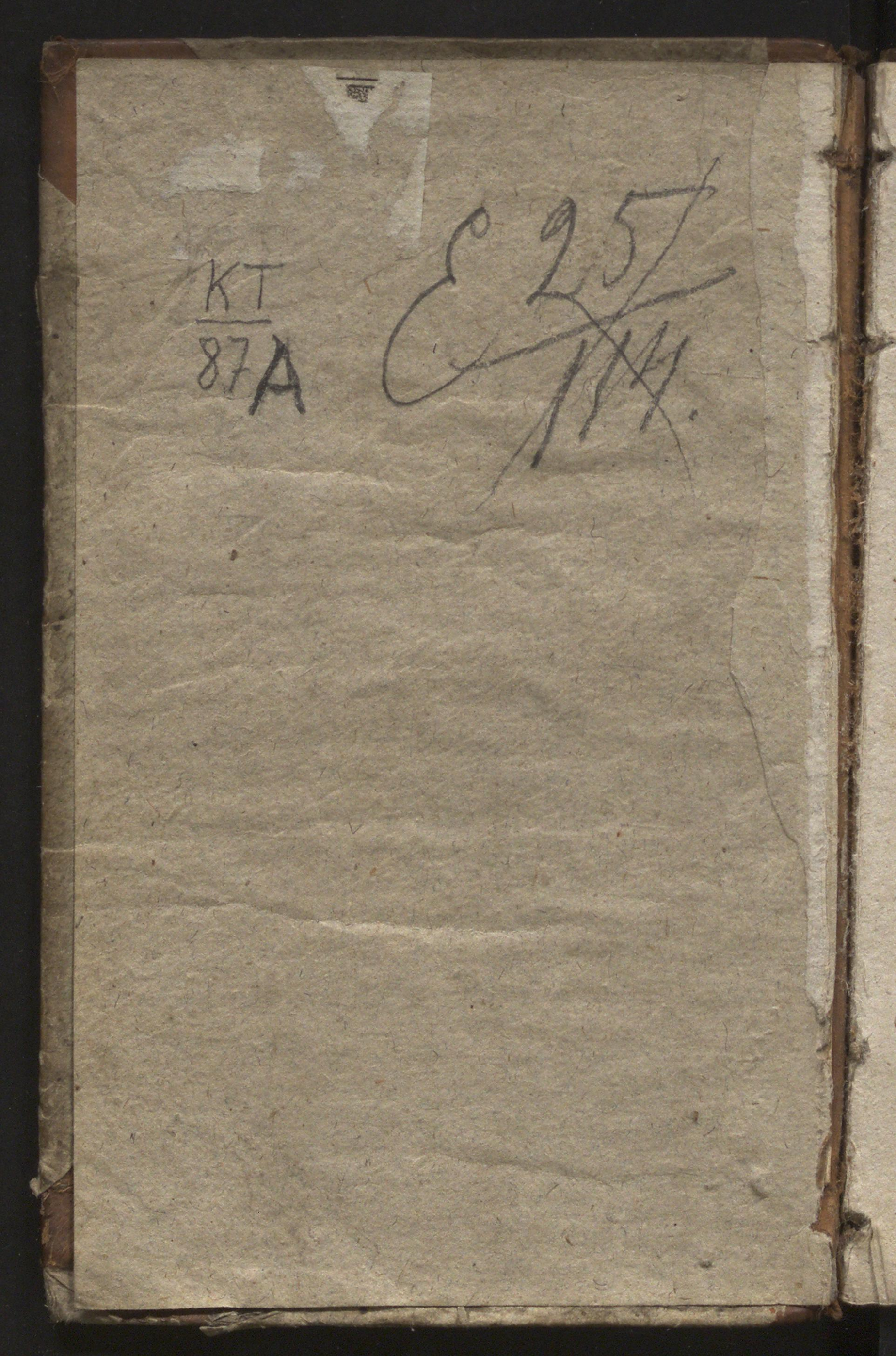

KT
87 A
E 25
114

СВОЕВОЛЬСТВО
СЧАСТІЯ
И
ЛЮБВИ,
ИЛИ
ПОХОЖДЕНІЕ
РОССАЛИНЫ,
СОСТОЯЩЕЕ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи Компаніи Типографической
1787.

СВОЕВОЛЬСТВО СЧАСТІЯ И ЛЮБВИ,

ИЛИ ПОХОЖДЕНІЕ РОССАЛИНЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Рѣдко видимъ, что бы кто не испытавъ великихъ несчастій, а не преодолѣвъ ужасныхъ затрудненій, преклонилъ своевольнаго бога любви на свою сторону, и наслаждался бы его благодѣяніями. Онъ самыми колкими и трудными стезями ведетъ во храмъ спокойствія и благополучія, и всѣ почти любящіеся начинаютъ чувствовать свое счастіе, по претерпѣніи уже не малыхъ злоключеній. Россалина служитъ сему яснымъ доказательствомъ, будучи отъ самаго младенчества игралищемъ любви и счастія. Отъ трехъ лѣтъ воспитывалась она въ одномъ монастырѣ въ Венеціи, не знавъ ничего о тѣхъ, которые жизнь ей дарова-

ли. Монахини, въ смотрѣніи которыхъ она находилась, такъ же не вѣдали ничего такого, по чему бы можно было узнать что нибудь о ея рожденіи; понеже одна старушка, отдавъ сіе дитя въ ихъ питомство, ничего не объявила имъ ни о имени ея родителей, ни о времени и мѣстѣ ея рожденія, назначивъ только довольную сумму денегъ, которую имъ изъ городоваго банка для воспитанія Россалины ежегодно получать надлежало; и наконецъ учредивъ все сіе такимъ образомъ, никому болѣе не показывалась. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ не возможно было никакого извлечь познанія о рожденіи Россалины. Вотъ сколь горестно было ея состояніе! По прошествіи двенатцати лѣтъ, когда вся обитель отчаялась увидѣть еще помянутую старушку, она къ общему всѣхъ удивленію, прибывъ въ монастырь спрашивала о своей дѣвочкѣ. Монахини представили ей немедленно Россалину, которая упования въ ней обрѣсти мать свою, отъ чрезмѣрной радости проливала слезы; и нѣжно обнимая сію старушку, говорила: любезная матушка, по толь долгомъ отсутствіи я имѣю наконецъ счастіе васъ паки видѣть. Нѣтъ сумнѣнія, продолжала она, чтобы не вы бытіе мнѣ даровали; понеже кромѣ васъ никто не принимаетъ участія въ моемъ состояніи.

Старуха пришедъ въ крайнее сожалѣніе, насилу на сіе могла отвѣтствовать. Удовольствіе, произходящее отъ свиданія съ Россалиною, привело ее въ немалое замѣшательство; но принудивъ себя, сколько было можно, сказала, что она не можетъ назваться ея матерью. Вы рождены, продолжала она, отъ весьма знатныхъ господъ, у которыхъ я въ услуженіи нахожуся. Кому же я должна моею жизнію? скажи, отвѣтствовала Россалина. Родителямъ, знаменитымъ по ихъ богатству и высокимъ достоинствамъ, прервала рѣчь ея старуха; но не вопрошайте меня о томъ далѣе, я обязана соблюдать молчаніе; однако вы скоро узнаете вашу участь. Надлежитъ намъ ѣхать въ Генуу, и тамъ то вы увидите, отъ какой крови небо опредѣлило вамъ родиться.

Сіе извѣстіе весьма льстило тщеславію Россалины. Она примѣчала уже въ себѣ нѣкоторую благородную гордость, которую мы только въ знаменитой крови получаемъ, и великость духа, не сродную почти никогда подлому произхожденію, и потому еще болѣе утверждалась въ мнѣніи о знатномъ своемъ произхожденіи. Немалая сумма, опредѣленная на ея содержаніе, и усильная прозьба старухи въ первое ея свиданіе съ монахинями, что бы ни-

чего не щадить для хорошаго оной воспитанія, утверждали такъ же въ сихъ мысляхъ Россалину. Въ самомъ дѣлѣ попеченія ея наставницъ были не напрасны; понеже она и сама съ великимъ прилѣжаніемъ старалась исправить естественныя свои дарованія, и научалась съ неописанною пріятностію пѣть, танцовать, и всему, что только знатной женщинѣ прилично. Старуха, видя таковые успѣхи Россалины, предвѣщала уже, что родители ея будутъ немалое чувствовать удовольстіе, увидя дочь свою столь совершенну, и потому столь достойну высокаго своего произхожденія.

Простившись совсѣми монахинями Россалина, отправилась въ Генуу. Во время пути усильно просила она старуху объявить ея состояніе, почто опасаешся ты, говорила она ей открыть мнѣ сію тайну, когда то правда, что я весьма скоро узнаю оную? Когда же надлежитъ хранить въ молчаніи то, что ты отъ меня скрываешь, такъ прошу тебя положиться на мою скромность; хотя я и молода, однако молчать умѣю, когда нужда того требуетъ. Не принуждайте меня къ тому, что бы я преступила мою клятву, отвѣтствовала старуха. Я обѣщалась не открывать вамъ вашей фамиліи: но можетъ

быть

бытъ я уже о томъ сказала оченъ много. Будьте увѣрены, что пріѣхавъ въ Генуу, вскорѣ разрушатся всѣ ваши сумнѣнія. Не въ семъ ли же городѣ я родилась? спрашивала Россалина. Нѣтъ, отвѣтствовала старуха, не въ Генуѣ, но въ Медіоланѣ. Когда родители мои Медіоланцы, говорила Россалина, такъ что же мнѣ въ Генуѣ дѣлать? я уже сказала, что не могу предъ вами изъясниться, прервала рѣчь ея старуха. Успокойтесь: вы конечно довольны будете тѣмъ состояніемъ, которое васъ ожидаетъ.

Россалина видя, что ничего не можетъ узнать отъ своей спутницы, положила съ терпѣніемъ дожидаться прибытія своего въ Генуу, гдѣ сей важной тайнѣ открываться надлежало. Одинъ день оставался Россалинѣ до мнимаго ея благополучія, Генуа начинала уже открываться глазамъ ея, какъ проѣзжая между двухъ горъ, которыми окруженъ сей великой городъ четыре разбойника остановили почтовую ея коляску. Старуха думая откуда нибудь получить помощь, начала кричать изо всей силы, и принудила одного разбойника пронзить ея грудь кинжаломъ. Почтарь туже имѣлъ участь, хотя и весьма отчаянно защищался.

Прекрасная Россалина, вЪ смертельномЪ находясь ужасѣ, была безгласна, и можетЪ быть сiе молчанiе соблюло жизнь ея. Разбойники осмотрѣвЪ сундуки, выбрали все отпуда, наконецЪ обнаживЪ старуху и почтаря, бросили ихЪ вЪ глубокую стремнину, каковыхЪ между сихЪ горЪ находится довольно. Сколько же сiи злодѣи кЪ пролитiю крови человѣческой алчны ни были; однако тронуты будучи младостiю и красотою Россалины, оставили ей живопЪ: но опасаясь, чтобы она не могла возвѣстить кому о ихЪ нападенiи, прежде нежели они вЪ надежное мѣсто уберутся, привязали ее кЪ одному дереву близЪ дороги. НаконецЪ выпрягли они лошадей изЪ ея почтовой коляски, и сѣвЪ на оныхЪ, наипоспѣшнѣйшимЪ образомЪ ускакали вЪ горы.

Около трехЪ часовЪ находилась Россалина безЪ всякой помощи. Лишь только она пришла вЪ чувство, то слезы потекли изЪ глазЪ ея. Она не осмѣлилась кричать, думая, что разбойники, услыша ея голосЪ лишатЪ жизни, такЪ какЪ старуху и почталiона, и такЪ же не надѣялась, чтобы кто изЪ путешествующихЪ отвязалЪ ее отЪ дерева прежде наступленiя ночи, которая уже начинала покрывать горизонтЪ своею мрачностiю. ВЪ такомЪ несчастномЪ

положеніи находясь, начинала она приходить въ совершенное отчаяніе, и думала, что небо избавило ее злодѣйскихъ рукъ для того только, чтобы послѣ лишить жизни лютѣйшимъ образомъ, отдавъ въ пищу звѣрямъ, во множествѣ по симъ горамъ таскающимся. Вотъ благополучное состояніе, которымъ я себя ласкала, говорила она: но хотя судьба и сохранитъ жизнь мою, однако оная будетъ преисполнена неминуемыми несчастіями. Я нахожусь въ такой землѣ, гдѣ мнѣ ни отъ кого помощи ожидать не можно, а тѣмъ менѣе еще надѣяться узнать когда нибудь моихъ родителей. Ежели я для сего открою всѣмъ мои обстоятельства, то можетъ быть тѣмъ навлеку на себя новое несчастіе, что я знаю о причинахъ, побудившихъ родителей моихъ столь старательно скрывать отъ меня мое состояніе. Увы! смерть не можетъ назваться величайшимъ для меня несчастіемъ въ сихъ обстоятельствахъ.

Въ то время, какъ Россалина стенала о своихъ несчастіяхъ, небо, защищающее всегда неповинныхъ, приуготовляло ей спасеніе. Одинъ Французскій купецъ, ѣдущій въ Генуу изъ Медіолана, услышалъ стонъ ея. Оставивъ свою лошадь пробрался онъ по лѣсу къ тому мѣсту, въ которомъ она

была привязана. Кто бы вы ни были, говорила она ему, пожалѣйте о несчастной, развяжите меня, я васъ прошу, или прекратите мою жизнь. Купецъ удивлялся сему странному позорищу и развязывая Россалину говорилъ ей: не тужите; небо, приведшее меня въ сіе мѣсто, сжалится, взирая на ваши скорби. Увы! отвѣтствовала Россалина, я уже лишилася всего на свѣтѣ и осталась безъ возврату наибѣднѣйшею изъ всѣхъ смертныхъ. Она разсказала ему потомъ о смерти старухи и почталіона: но однако утаила истинную причину своего путешествія. Смерть моей матушки, продолжала она, лишила меня послѣдней помощи, и я теперь сама не знаю, къ кому имѣть прибѣжище. Я ничего уже болѣе не имѣю, разбойники ограбивъ меня до нага, довели до послѣдней крайности.

Купецъ тронутъ будучи несчастіемъ Россалины, обнадеживалъ ее, что онъ самъ не преминетъ стараться о поправленіи ея состоянія. Я васъ представлю, говорилъ онъ, многимъ Генуескимъ женщинамъ, которыя васъ съ родительскою горячностію примутъ, а между тѣмъ, ожидая ихъ благодѣяній, вы будете жить въ моемъ домѣ. Моя супруга заступитъ мѣсто вашей матери. Какою благодарностію

за-

заслужу я ваши милости? отвѣтствовала Россалина. Я вамъ за оныя платить могу только однимъ искреннимъ къ вамъ усердіемъ; но оно для столь благодарнаго сердца, каково ваше, столько же важно, сколько самые драгоцѣнные подарки.

Купецъ видя, что имъ не возможно было засвѣтло прибыть въ Генуу, помышлялъ только о томъ, какъ бы Россалинѣ сыскать мѣсто для успокоенія. Онъ посадилъ ее за собою на лошадь, и проѣхавъ съ часъ, прибыли они въ одинъ постоялый домъ, отстоящій только на двѣ мили отъ города. Россалина препроводила ночь въ безпрестанныхъ размышленіяхъ, и не смотря на то, что была въ крайней слабости, не могла ни на минуту успокоиться. Вотъ, говорила она, благополучное состояніе, котораго я ожидала! Суровая спутница, почто исторгнула ты меня изъ спокойствія монастырскаго? Или когда тому такъ быть надлежало, почто не открыла мнѣ ты отъ кого я бытіе мое получила? Какимъ образомъ проникну я теперь въ сію тайну? Что мнѣ осталось дѣлать, когда твоею смертію лишилась я всякой надежды къ познанію моего состоянія? Но ты говорила мнѣ, продолжала Россалина, что я родилась въ Медіоланѣ; при всемъ томъ я должна была въ Генуу

ѣхать.

ѣхать. Какую причину имѣли родители мои стыдиться назвать меня откровенно своею дочерію? Можетъ быть, ежели я стараться буду открыть сію тайну, то тѣмъ подвергну ихъ опасности? Можетъ быть благополучіе мое зависитъ отъ сохраненія въ молчаніи моихъ приключеній? Можетъ быть наконецъ и то, что я стараяся обрѣсти моихъ родителей, навлеку на себя тысячу неожидаемыхъ напастей. Въ толикой неизвѣстности полезнѣе для меня, наблюдая молчаніе съ терпѣніемъ, отъ счастія ожидать того, чего теперь оно меня лишило.

День засталъ Россалину въ сихъ печальныхъ размышленіяхъ. Не медля потомъ ни мало отправилась она съ купцомъ въ путь свой, и прибывъ въ Генуу, принята была его женою съ знаками наилучшія пріязни. Ваши несчастія, говорила она ей, преклоняютъ меня на вашу сторону. Я чувствую, что вы достойны не только моихъ попеченій; но и сожалѣнія отъ всего свѣта. Вы лишились матушки; итакъ я постараюсь наградить собою вашъ уронъ. Хотя я не весьма богата, однако имѣю друзей, которые мнѣ помогутъ, и постараюся возвратить вамъ то, чего счастіе теперь лишило. Россалина нѣжно обнимая благодарила наичувствительнѣйшимъ образомъ

разомъ госпожу Бурсетъ, такъ называлась сія Француженка, которая поселяся съ своимъ мужемъ, лѣтъ съ пятнатцать жила уже въ семъ городѣ. Слезы нещастной Россалины изъявляли чувствительнѣе всякихъ выраженій ея благодарность. Утѣшьтесь, говорила ей госпожа Бурсетъ, и постарайтесь, сколько можно, удалить отъ себя напоминовеніе вашихъ приключеній. Когда нѣтъ средства къ отвращенію своего несчастія, то надлежитъ по крайней мѣрѣ стараться не взводить себѣ на мысль онаго. Мало по малу оно приходитъ въ забвеніе, а я вамъ въ семъ случаѣ могу подать изрядные совѣты, которые мнѣ самой нѣкогда полезны были. Я не всегда была столь благополучна, сколько нынѣ а противное счастіе довольно меня научило имѣть сожалѣніе къ несчастнымъ.

Сколько судьба къ Россалинѣ злобна ни была, однако неожидаемая сія помощь нѣсколько ее утѣшила. Часъ отъ часу дружба г. Бурсетъ къ ней возрастала. Она говорила уже о Россалинѣ графинѣ Доріи, одной изъ знатнѣйшихъ женщинъ въ республикѣ, которая дѣлала ей честь своею дружбою. Она обѣщала стараться о поправленіи состоянія несчастной сиротинки, такъ называя Россалину, о чемъ г. Бурсетъ и не преминула ее увѣдомить. Надле-

лежитЪ, говорила она, пользоваться благосклонностiю графини, которую она и заочно вамЪ являетЪ; и ежели вы желаете последовать моему мнѣнiю, то подите завтре сами просить ее о помощи. Я сдѣлаю все то, что вы разсудите за благо, отвѣтствовала Россалина. Вы занимаете мѣсто моей матери, и такЪ вамЪ остается приказывать, а мнѣ исполнять ваши повелѣнiя. Ежели вы повидаетесь сЪ графинею, прервала рѣчь ея г. БурсетЪ; то я смѣло спорю, что она не отречется снабдить васЪ всѣмЪ тѣмЪ, чего вы злобною судьбою лишены стали. Но когда вы будете довольны, пребывая всегда вЪ моемЪ домѣ и называясь моею дочерью и другомЪ, то я сЪ радостiю готова раздѣлить сЪ вами все мое имѣнiе, которымЪ я отЪ большой части обязана щедрости самой же сей графини.

Слезы, потекшiя изЪ очей г. БурсетЪ, прервали ея голосЪ. ВЪ сiе время пришли ей на мысль всѣ бѣдствiя, которыя и она претерпѣла, а горькое оныхЪ напоминовенiе было причиною, что чрезЪ долгое время не могла произнести ни одного слова. ПотомЪ успокоившись нѣсколько такЪ говорила она Россалинѣ: не одни вы гонимы непостоянствомЪ счастiя, супругЪ мой и я испытали наивеличайшую суровость онаго. Правда, что и любовь не меньше

бѣдствія намъ приключила; однакожъ послѣ за все претерпенное изобильно наградила, и такъ я говоря о моихъ несчастіяхъ, должна приписать ихъ единственно непостоянству счастія.

ПОВѢСТЬ ГОСПОЖИ БУРСЕТЪ.

Я родилась въ Марселіи. Мои родители хотя происходили отъ благородныхъ предковъ, однако обращались въ торговлѣ. Дворянство сего города имѣетъ право купечества; и потому всякой, не оскорбивъ своего честолюбія могъ отправлять торги по желанію. Отъ самыхъ моихъ нѣжныхъ лѣтъ назначили меня въ монахини. Не успѣла я увидѣть свѣтъ, какъ уже родители мои опредѣлили меня принесть въ жертву старшему моему брату, которому чрезъ то желали оставить довольное наслѣдство. На 10 году заключена я была въ монастырь, въ которомъ пять лѣтъ и жила безвыходно. Наконецъ пришедъ въ такой возрастъ, что могла отъ свѣта отрещися. Услышала на то соизволеніе моихъ родителей. Они говорили, что состояніе ихъ дѣлъ не позволяетъ мнѣ дать такое приданое, какого честь ихъ требуетъ, и сего весьма довольно было къ преклоненію меня

на

на ихъ мнѣніе. Находяся всегда въ заключеніи, имѣла я столь слабое понятіе о пріятностяхъ свѣтской жизни, что безъ дальнаго размышленія согласилась оставить оную, и слѣпо слѣдуя ихъ наставленіямъ, обѣщала вздѣть на себя монашескую ризу.

По семъ взяли меня изъ монастыря для показанія мнѣ нѣкоторыхъ рѣдкостей, которыхъ всѣ дѣвицы, подъ искусомъ находящіяся, съ матерьми своими смотрѣть ѣздятъ. Предъ совершеннымъ оныхъ заключеніемъ обязаны они по силѣ обыкновенія, начавшагося отъ давнаго времяни, въ Провансѣ сдѣлать путешествіе въ святую *Боме*, такъ называется одна гора, гдѣ находится церьковь во имя святой Магдалены, о которой думаютъ, что она скончалась на семъ мѣстѣ. Я должна была какъ и всѣ прочіе сдѣлать сіе путешествіе, и осмотрѣвъ одно зданіе, въ которомъ, по увѣренію, сія святая имѣла жительство, какъ и всѣ другія мѣста, изъ которыхъ каждое знаменито какимъ ни есть чудомъ, кое корыстолюбивые сельскіе монахи съ прибавкою всякому проповѣдуютъ, возвратилась я въ тотъ постоялый домъ, гдѣ оставлена была наша коляска. Увы! я совсѣмъ не помышляла о томъ, что со мною въ ономъ могло воспослѣдовать. Мысли мои еди-

единственно наполнены были святостію мѣстъ сихъ. Мнѣ уже хотѣлось нетерпѣливо, заключася въ монастырь подражать богоугоднымъ дѣламъ сей преподобной молитвенницѣ, которой уединенное жилище я осмотрѣла; но любовь въ самое то время, насмѣхаясь моей набожности, желая торжествовать надъ такимъ сердцемъ въ которомъ оная была совсѣмъ невѣдома.

Г. Бурсетъ съ нѣкоторыми пріятелями также находился въ семъ мѣстѣ. Ихъ было четверо, и думаю, что болѣе любопытство, нежели набожность, побудило ихъ посѣтить святую Боме. Лишь только увидѣли они, что мы съ горы сходили, то не медля ни мало съ учтивостію просили позволенія свести насъ съ оной. Одинъ изъ пріятелей господина Бурсета подалъ руку моей матушкѣ, самъ же онъ достался мнѣ. По многимъ посторроннимъ разговорамъ сказалъ онъ: что съ самой той минуты, какъ меня увидѣлъ, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторое движеніе, котораго причины не могъ постигнуть. Что касается до меня; то и я, слушая слова его, наполнена была такимъ удовольствіемъ, каковаго еще никогда въ себѣ не ощущала. Продолжая безпрерывно разговоръ свой, наговорилъ онъ мнѣ тысячу учтивостей по обыкновенію всѣхъ молодыхъ

 щеголей.

щеголей. Признаться должно, что сіи слова, хотя и вЪ перьвые коснулись моему слуху; однако весьма его прельстили. Я безЪ досады слушала, что меня называли прекрасною и прелестною; понеже таковыя выраженія ласкали моему тщеславію, да еще и удивлялась тому, что такЪ поздно меня о томЪ увѣдомили.

Хотя я ничего не отвѣтствовала г. Бурсету; однако само естество дѣйствовало вмѣсто искусства, котораго я еще не имѣла. ПротивЪ воли моей я усмѣхалась и нѣжно взирала на того, который прежде всѣхЪ обЪявилЪ мнѣ власть очей моихЪ. ОднимЪ словомЪ: взоры мои ясняе всякихЪ выраженій изображали мои мысли. Г. БурсетЪ изЪяснилЪ мнѣ всѣ сіи движенія, которыя любовь производила вЪ моемЪ сердцѣ, и которыхЪ можетЪ быть бы я и теперь безЪ него не знала. Но вЪ самое то время, когда я хотя и неумышленно поступала, не хуже всякой свѣтской щеголихи, не примѣтила того, что глаза противЪ воли моей всю тайну сердца моего обЪявляли.

Между тѣмЪ хотѣлось мнѣ, что бы матушка медлѣннѣе сЪ горы сходила, и я сЪ огорченіемЪ приближалась кЪ тому постоялому дому, вЪ которомЪ мнѣ сЪ г. БурсетомЪ разлучиться надлежало. Но любовь

бовь не довольствуясь тѣмъ еще, совершеннѣйшую побѣду надо мною одержать хотѣла. Сіи господа вѣдая, что въ постояломъ дворѣ ничего съѣстнаго найти было не можно, просили матушку покушать пирога, которой они въ сіе уединенное мѣсто привезли съ собою.

Труды, которые мы понесли, обходя всѣ помянутыя мѣста, произвели въ насъ небольшой голодъ, а понеже время уже приближалось къ полудню, а намъ еще должно было мили двѣ ѣхать до того мѣста, гдѣ мы думали обѣдать, то матушка не много отговариваясь приняла ихъ предложеніе. Она только знала сихъ господъ, которые всѣ имѣли жительство въ Марселіи, и потому не употребляли противъ оныхъ излишнихъ учтивостей. Что надлежитъ до меня, то я хотя и въ семъ же самомъ городѣ родилась, гдѣ жилъ г. Бурсетъ, однако его никогда не видала, и будучи всегда заключена въ монастырѣ, едва и самыхъ ближнихъ своихъ родственниковъ знала.

Во время обѣда любовь наполнила ядомъ мое сердце, которое прельстившись наружною его пріятностію, не могло онымъ насытиться. Г. Бурсетъ, какъ и я, совершенно лишился вольности, и мы взаимно другъ у друга сердца похитили, не

воображая себѣ, что бы изъ сего величайшія наши несчастія могли родиться. Матушка между прочимъ сказала симъ господамъ, что я пріуготовляюсь быть монахиней. Сіе извѣстіе смертельнымъ ударомъ поразило г. Бурсета, и я довольно примѣтила, что онъ отъ сего пришелъ съ несказанную задумчивость. Послѣ обѣда лишъ только матушка нѣсколько отъ насъ удалилась, то онъ съ смущеніемъ подошедъ ко мнѣ говорилъ: какъ государыня, вы назначены проводить вашу жизнь въ уединеніи и съ толикимъ богатствомъ и красотою погребсти себя въ стѣнахъ монастырскихъ. Я была столь чистосердечна, что считала за долгъ открыть г. Бурсету истинныя причины, принуждающія меня сдѣлать монахиней. Вы ошибаетесь, государь мой, отвѣтствовала я ему, когда думаете, что я богата; понеже матушка говаривала мнѣ многократно, что по причинѣ дурныхъ нашихъ обстоятельствъ, нѣтъ для меня ничего полезнѣе монастыря. Я еще почти совсѣмъ не свѣдома о пріятностяхъ свѣтской жизни, и потому безъ дальнаго огорченія я оставляю; но при всемъ томъ чувствую, что я бы не учинилась никогда монахиней, когда бы не повелѣвали сего мои родители.

Сей

Сей чистосердечный разговорѣ открылѣ довольно г. Бурсету свойство моего сердца и чинимое мнѣ насиліе. Оное паче усугубило страсть его, и онѣ твердо вознамѣрился исторгнуть меня изѣ сей неволи, какѣ скоро только соглашусь я принять его услуги: но при всемѣ томѣ не осмѣлился вѣ первое наше свиданіе открыть мнѣ свои намѣренія, опасаясь раздражить меня неумѣренною поспѣшностію. Онѣ не преминулѣ однако мнѣ сказать, что многіе изѣ извѣстныхѣ людей вѣ провинціи; сочли бы за величайшее себѣ счастіе, когда бы могли получить меня вѣ супружество. Я не смѣю, продолжалѣ онѣ, полагать себя вѣ число оныхѣ; но когда бы я зналѣ, что . . . Вѣ сіе время возвращеніе матушки принудило его прервать рѣчь свою. Хотя г. Бурсетѣ и не могѣ окончать оной, однако на глазахѣ его написано было все то, что онѣ мнѣ желалѣ сказать, и я сколь не искусна была вѣ семѣ родѣ разговоровѣ; однако любовь довольно просвѣтила разумѣ мой кѣ познанію его мыслей. Я устремила на него наконецѣ мои взоры, и не вѣдая сама что дѣлала, обѣщала ему оными все то, что онѣ токмо могѣ желать.

Наконецѣ настала та минута, которая меня всего болѣе ужасала. Мы сѣвѣ

въ коляску, оставили въ постояломъ дворѣ сихъ господъ. Матушка приписывала великую похвалу ихъ учтивствамъ; а мое сердце подтверждая оную, относило ее мысленно къ единому Бурсету. Въ сіе время я въ первой разъ почувствовала смущеніе сердечное, которое прежде знала токмо по одному названію. Образъ сего любезнаго человѣка всюды за мною слѣдовалъ. Ни нощная темнота, ни различные предметы, посреди дня видимые, не могли его истребить изъ моихъ мыслей. Монастырь уже былъ для меня несносенъ, и я всячески старалась удалить тотъ день, въ который должна была въ него возвратиться. Я уповала еще хотя разъ увидѣть того, который присутствовалъ безпрестанно въ моемъ сердцѣ, и всего болѣе старалась скрыть печаль мою отъ матушки. Можетъ быть, говорила я сама себѣ, она примѣтя оную подумаетъ, что я, обращаясь между людьми, начинаю скучать монастырскою жизнію; и потому конечно постарается поскорѣе удалить меня отъ глазъ своихъ.

Между тѣмъ сколько я предосторожностей ни предпринимала, что бы не подать ни малѣйшаго о себѣ подозрѣнія; однако приближался уже тотъ несносный день, въ который мнѣ возвратиться въ

мона-

монастырь надлежало. Восемь дней оставалось мнѣ токмо жить въ свободѣ, и я уже и послѣдней надежды лишена была; но въ одинъ день, поспѣшая въ церковь по обыкновенію, увидѣла я г. Бурсета, пришедшаго туда же.

Онъ имѣлъ на себѣ видъ, совсѣмъ отмѣнной противъ прежняго. Унылое лице не имѣло болѣе своего цвѣта, а въ томныхъ глазахъ не видно было того пламени, которымъ они на предъ сего блистали. Въ величайшемъ смущеніи приближась ко мнѣ говорилъ онъ: не прогнѣвайтесь государыня, что наинесчастнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ избралъ сію минуту къ своему утѣшенію. Не въ суетныхъ увѣреніяхъ хочу я препроводить сіе краткое время, которое милосердое небо мнѣ даровало. Я знаю, продолжалъ онъ, что вы чрезъ восемь, или десять дней учинитесь монахиней; знаю, что вы на всегда свѣтъ оставляете; а я плѣнникъ вашихъ прелестей, съ той самой минуты, какъ васъ увидѣлъ, пришелъ вамъ донести, что иду на край свѣта искать смерти, которая бы избавила меня отъ всѣхъ несчастій, причиненныхъ мнѣ любовію. Все къ отъѣзду меня принуждаетъ. Въ Индіи можетъ быть я найду то спокойствіе, котораго сдѣсь не обрѣтаю. Можетъ

жетъ быть въ другой части свѣта болѣе, нежели въ сей, найду для себя счастія.

Сіи слова привели меня въ величайшее удивленіе, а унылый видъ г. Бурсета, его изъясненіе, болѣе же всего скорый и нежидаемый отъѣздъ сдѣлали совсѣмъ безгласною. Я токмо что взирала съ прискорбіемъ на моего любезнаго, не могши ему выговорить ни слова. Смущеніе мое подало ему поводъ изъясниться откровеннѣе. Я искалъ болѣе трехъ недѣль, говорилъ онъ мнѣ, всевозможнаго средства открыть вамъ мои чувствія. Я видалъ, что вы съ матушкою со двора хаживали, и бывая въ одномъ близкомъ домѣ отъ вашего, изъискивалъ ту минуту, въ которую бы васъ безъ свидѣтелей могъ видѣть. Мнѣ сказывали, что вы иногда безъ товарищей въ церковь ходите, и въ самое то время, когда я считалъ себя лишеннымъ всей надежды, нашелъ столь долго желаемый мнѣ случай. Не прогнѣвайтесь, государыня, что я онымъ пользуясь, открываю вамъ нѣжнѣйшую и чистосердечнѣйшую любовь. Смѣлость моя не должна огорчить васъ; понеже не достало силъ моихъ сопротивляться владычествующей мною страсти; и ежели вы оную опорочите, то я не для иного чего сюда пришолъ, какъ токмо на всегда проститься съ вами. Изъясненіе ваше меня

ня не раздражаетъ, а огорчаетъ паче всего вашъ отъѣздъ, сказала я ему, не помышляя ни мало о силѣ словъ моихъ, и ахъ! признаюсь вамъ, продолжала я, что не могу безъ сожалѣнія вообразить себѣ, что вы удаляетесь отъ вашего отечества. Не успѣла я еще окончить сего неразумнаго признанія, какъ увидѣла свой проступокъ; но уже мнѣ не возможно было скрыть моего смущенія. Стыдъ, произшедшій отъ того, что выговорила много излишняго, усугубилъ мое замѣшательство. Г. Бурсетъ съ удовольствіемъ примѣчалъ всѣ движенія, во мнѣ произходящія. Довольное его искусство въ обхожденіи, а паче откровенное и неспособное къ притворству мое сердце понуждало его воспользоваться симъ случаемъ. Ежели то правда, говорилъ онъ, что вы принимаете участіе въ жизни несчастнаго, когда отъѣздъ его васъ трогаетъ, позвольтежъ мнѣ надѣяться, что я когда нибудь вамъ буду непротивенъ. Не могу требовать я сердца вашего; но прошу токмо позволенія стараться пріобрѣсть оное моими услугами. Но, государь мой, отвѣтствовала я ему, она уже не въ силахъ исторгнуть меня изъ того состоянія, въ которое я назначена; понеже я въ восемь, или десять дней совершенно въ монастырь заключена буду. Какая же вамъ по сему на-

надежда остается? Ни что не возпрепятствуетъ, отвѣтствовалъ г. Бурсетъ, какъ скоро вы помогать мнѣ согласитесь, то единственно въ вашей будетъ волѣ учинить меня наисчастливѣйшимъ человѣкомъ; прикажите токмо мнѣ обо всемъ стараться. Позвольте мнѣ съ вами на каждый день видѣться; я уповаю несумнѣнно перемѣнить участь вашу, прежде нежели приспѣетъ время къ вашему постриженію. Ежели то такъ, отвѣтствовала я, то дарую вамъ на все мое согласіе. Не вѣдаю, достоинъ ли хулы, или нѣтъ сей поступокъ; но признаюсь вамъ, продолжала я, что съ самаго того часа, какъ васъ увидѣла, монастырь сдѣлался мнѣ столь противенъ, что я день моего постриженія днемъ смерти почитаю. Все то, что сердце влагало въ уста мои, было столь нѣжно и откровенно, что г. Бурсетъ плѣнился моимъ чистосердечіемъ, и разтаваяся клялся мнѣ снова вѣчною любовію. Яжъ столь много ощущала удовольствія, принимая его клятвы, что ежели бы онъ вздумалъ у меня похитить оныя, то я бы послѣ сего не захотѣла жить на свѣтѣ.

Съ сего дня единая любовь всѣми моими дѣйствіями управляла. Я уговорилась съ г. Бурсетомъ видаться на каждый вечеръ и разговаривать посредствомъ одного

низкаго окна на улицу. Въ сей же самый день было первое наше свиданіе. Онъ мнѣ неизчетными клятвами утверждалъ все то, о чемъ говорилъ въ церквѣ; и сей разговоръ былъ для меня столь прелестенъ, что я продолжала его всякой разъ съ вечера до самаго разсвѣта, и удалялась отъ окна для того только, что бы кто не увидѣлъ г. Бурсета на улицѣ.

Мы видались нѣсколько дней безъ всякой перемѣны нашихъ обстоятельствъ. Нечувствительно дѣлала я привычку слышать, что меня другіе страстно любятъ; но посреди самыхъ сладчайшихъ размышленій, нѣкоторое внутреннее безпокойство принуждало меня опасаться, что бы судьба, даровавшая намъ сіе удовольствіе, не потребовала за оное величайшей платы. Г. Бурсетъ примѣчая, что мое спокойствіе прерываемо иногда было неизвѣстнымъ ему смущеніемъ, спрашивалъ меня о причинѣ онаго. Узнавъ же оную, хотя и старался опровергать ее предо мною; однако въ самомъ дѣлѣ и самъ не менѣе моего о томъ безпокоился. Между тѣмъ старалась я притворною моею болѣзнію отдалить день моего постриженія на нѣкоторое время. Мой любезной, желая онымъ возпользоваться, старался съ помощію своихъ родственниковъ получить меня въ супружество, и на

конецъ, что бы испровергнуть всѣ препятствія, соглашался взять меня безъ всякаго приданаго.

Мои родители конечно согласились бы на сіе полезное предложеніе, когда бы не препятствовала благополучію моему безразсудная любовь къ старшему ихъ сыну. Они опасались конечно, что бы мой супругъ не захотѣлъ когда нибудь возтребовать чего по праву своему, и тѣмъ бы не причинилъ суетъ и убытку ихъ единому наслѣднику, старшему моему брату. Требованіе г. Бурсета не токмо было отвергнуто, но еще понудило матушку не медля ни мало отправить меня въ монастырь. Статься можетъ, что она подозрѣвала меня нѣсколько въ согласіи съ г. Бурсетомъ, или избѣгая единственно впредь таковыхъ предложеній, немедлѣнно разстаться со мною вздумала. Я ни мало о семъ не думая получила повелѣніе, не мешкавъ возвратиться къ монахинямъ. Надлежало повиноваться; и колико горести я ни ощущала, однако принуждена была скрывать оную отъ матушки.

Подумай, любезная Россалина, въ какой я грусти находилась, поѣхавъ заключить себя въ мою могилу, не простясь съ г. Бурсетомъ и не увѣдомивъ его о своей участи. Лишь только прибыла я въ монастырь,

то

то немедленно удалясь въ свою комнату, предала себя совершенному отчаянію. Почто выходила я изъ сего уединенія? говорила такъ сама себѣ. О пагубная ѣзда въ святую Боме! Безъ тебя бы протекали дни мои въ спокойствіи. Увы! когда бы я не видала г. Бурсета; то конечно бы не испытала надъ собою сея жестокія страсти! Онъ принудилъ меня узнать могущество любви, которая лишила меня на всегда спокойствія. Презлобная судьба! Любить и не имѣть надежды увидѣть того, кого любимъ? Теперь я на всегда съ нимъ разлучена. Когда онъ за нѣсколько дней предъ симъ клялся предо мною вѣчною любовію, могла ли я тогда подумать, что на него, въ послѣдній разъ взираю! Суровые родители! за что приносите меня въ жертву моему брату? Не ваша ли кровь къ жилахъ моихъ обращается? Не вы ли бытіе мнѣ даровали? Когда то такъ, дайте же мнѣ свободу, и оставте мнѣ на произволъ располагать собою. Когда я ваша дочь, почто не внемлете вы гласу природы, и изъ родителей претворяете себя въ лютѣйшихъ моихъ гонителей? Знайте же, что я какъ скоро не обрѣтаю въ васъ ни малѣйшаго къ себѣ милосердія, то перестаю быть и вашею дочерью.

Нѣсколько дней находилась я въ крайей

ней задумчивости, и монахини почти меня не узнавали. Онѣ видали прежде безпрестанно бодру и равнодушну; но возвратясь съ трудомъ вступала я и въ самые нужнѣйшіе съ ними разговоры. На всякой день усугублялось мое смущеніе; понеже время постриженія приближалось. Кажется, что мнѣ не дождавши онаго умереть съ печали надлежало. По всѣмъ членамъ моимъ начала уже нѣкоторая смертоносная слабость разливаться, и какъ я совершенно отчаялась въ моей жизни, то оная совсѣмъ не ожидаемымъ случаемъ возобновилась паки Одна монастырская служанка вошедъ нѣкогда въ мою комнату и въ великомъ замѣшательствѣ приближась ко мнѣ говорила такъ: мнѣ поручено, государыня, вручить вамъ письмецо. Я не знаю отъ кого оное послано; понеже братъ мой, отдавая мнѣ его сказалъ, что ежели я оное вамъ вручивъ принесу ему на то отвѣтъ, то тѣмъ сдѣлаю его величайшее счастіе. Я надѣюсь, продолжала она, что вы предадите молчанію моему смѣлость, безъ чего конечно выгонятъ меня изъ монастыря: впрочемъ увѣряла меня, что сіе письмо не сдѣлаетъ вамъ огорченія.

Тайное предчувствованіе написано радостью на лицѣ моемъ, и тѣмъ вывело служанку изъ смущенія. Подай мнѣ сіе

письмо,

письмо, сказала я ей, и будь увѣрена о моей скромности. Она вручила мнѣ оное, и я съ трепещущими руками разпечатавъ нашла въ немъ слѣдующее.

Не знаю, прекрасная Юлія! такія ли вы чувствуете горести, какія я съ самаго того времяни, какъ вы въ монастырь возвратились. Два дни не вѣдалъ я, что вы находитесь въ неволѣ, и не находя васъ у окна, подумалъ, что вы не весьма были здоровы. Въ сей ошибкѣ до тѣхъ поръ я находился, пока свирѣпый рокъ всѣ совокупилъ силы къ пораженію меня извѣстіемъ о вашемъ заключеніи. Теперь лишь только воображу себѣ, что я самъ причиною толь скорой разлуки нашей, то горесть моя отъ того усугубляется ежечасно. Но увы, дражайшая Юлія! могъ ли я подумать, что бы суровые родители ваши отреклися васъ отдать въ супружество человѣку, довольно богатому и нетребующему притомъ ни малѣйшаго приданаго. Не ужъ ли вы послѣ сего обожать еще будете тѣхъ, которые столь мало достойны называть васъ своею дочерью; и когда они умерщвляютъ всѣ правы естества, не ужъ ли вы будите имѣть слабость жертвовать себя ихъ скупости и безразсудному честолюбію. Ежели то правда, что я былъ нѣкогда вамъ непротивенъ, ежели вы меня и теперь сколько ни

будь любите; то отъ вашего повелѣнія зависитъ наше счастіе. Я удержалъ одно судно, находившееся въ готовности отвалить отъ берета. Вамъ весьма удобно будетъ выттии изъ монастыря помощію той служанки, которая вручитъ сіе письмо. Вы можете на оную во всемъ положиться; понеже братъ ея мнѣ совершенно преданъ. Ежели счастіе не возпрепятствуетъ нашимъ предпріятіямъ; то мы совокупимся законнымъ бракомъ въ Италіи. Отвѣтъ вашъ, прекрасная Юлія! определитъ мнѣ смерть, или животъ. Безъ васъ я не могу жить на свѣтѣ; а вы лишь только захотите, то наисчастливѣйшимъ человѣкомъ меня учинить можете.

Признаюсь вамъ, что сіе письмо произвело во мнѣ намѣреніе повиноваться совершенно воли моего любовника. Жестокосердіе моихъ родителей, которые безъ всякаго убытка могли бы дѣлать меня счастливою, когда бы токмо захотѣли, столь чувствительно меня тронуло, что я бы оставила сей монастырь въ отмщеніе ихъ нечувствительности, хотя бы любовь сегожъ самаго учинить мнѣ и не повелѣвала. Съ величайшимъ восхищеніемъ стократно цѣловала я письмо сіе, изъ чего служанка примѣтила довольно, что она мнѣ онымъ толико же учинила удовольствія, сколько братъ ея господину Бурсету. Я уговорилась

съ ней, какимъ образомъ изъ монастыря вытти надлежало, и потомъ обѣщала взять ее съ собою въ Италію, наградить по важности оказанной ею намъ услугѣ. Такимъ образомъ предпринявъ съ сею служанкою всѣ мѣры, положила я на нее отнести слѣдующее писмо къ моему любовнику.

Не сумнѣваюсь, что вы меня любите, и полагаясь на ваше чистосердечіе, предаю себя совершенно въ вашу волю. При всѣхъ моихъ несчастіяхъ сочту себя счастливою, нашедъ въ васъ нѣжнаго супруга, который мнѣ вмѣсто всего будетъ. На семъ основаніи токмо кажется, что мнѣ простительно за вами слѣдовать. Я избѣгаю неволи; и потому столько же виновна, сколько всякой плѣнникъ, разрывающій свои оковы. Зная, что вы безъ притворства меня любите, твердо въ томъ увѣрена, что не употребите во зло моего простосердечія и власти, которую я вамъ даю надъ собою. Ежелижъ вы востребуете отъ меня чего нибудь противнаго моей чести, то тѣмъ принудите прибѣгнуть ко всякой крайности. И такъ пользуйтесь правами, которыя я вамъ даю надъ собою, съ такою же умѣренностію, какую я всегда въ васъ примѣчала. Назначте мнѣ токмо время и мѣсто къ нашему свиданію; то я безъ

 сум-

сумнѣнія такъ выйду изъ монастыря, что того никто не примѣтитъ. Вы можете съ сею же служанкою, которая вручитъ вамъ мое письмо, отписать ко мнѣ обо всѣхъ вашихъ намѣреніяхъ, и впрочемъ ни очемъ не безпокоиться. Я надѣюсь, что счастіе благопріятствовать будетъ нашей любви, и понеже меня ни въ чемъ еще не подозрѣваютъ, то весьма удобно будетъ обмануть мнѣ всѣхъ монахинь.

Я отдала Марьѣ [такъ называлась служанка] сіе писмо, и обѣщала ей снова за всѣ труды довольное награжденіе. Она же напротивъ того принявъ сіе обнадеживаніе, хотѣла всѣмъ жертвовать моимъ услугамъ, и была весьма увѣрена въ справедливости моихъ обѣщаній, понеже уже получила и прежде сего нѣкоторые знаки щедрости господина Бурсета, купно съ ея братомъ.

Лишь только я осталась на единѣ, то ожидая отвѣта отъ г. Бурсета погрузилась въ сладчайшія размышленія. Признаюсь, любезная Россалина! что жестокость моихъ родителей совсѣмъ истребила во мнѣ угрызеніе совѣсти, которое бы побѣгъ мой произвести былъ долженъ. Мыслямъ моимъ представлялись токмо увеселенія, которыми я увидя г. Бурсета наслаждаться буду. Мнѣ казалось, что уже вижу его

обѣ-

обѣщающа мнѣ вѣчную горячность, и слышу его рѣчи, наполненныя нѣжностію. Чего мнѣ желать болѣе, говорила я, когда съ нимъ на всегда сопряжена буду. О судьба! не прекрати своихъ благодѣяній, которыхъ мнѣ столь лестное начало теперь являешь.

Посреди сихъ размышленій, нетерпѣливость имѣть отвѣтъ отъ г. Бурсета меня тревожила. Не уже ли, помышляла я, сія служанка, говорившая столь много о своемъ ко мнѣ усердіи, полѣнилась попроворнѣе исполнить мое повелѣніе? Она не возвращается и такъ не уже ли могла она подумать о измѣнѣ. Я начинала уже нѣсколько безпокоиться, какъ она проходя два часа возвратилась съ слѣдующимъ письмомъ.

Вы возводите меня на высочайшую степень счастія, прекрасная Юлія! и я имѣя надежду обладать вами, ничему въ свѣтѣ не завидую. Будьте увѣрены, что я во всякое время имѣть къ вамъ буду какъ любовникъ совершеннѣйшее почтеніе, и какъ супругъ нѣжнѣйшую горячность. Я чувствую все то, чемъ вамъ обязанъ; и такъ можете ли сомнѣваться въ моей честности. Сколько бы сильна страсть моя ни была; однако она останется всегда въ предѣлахъ самаго строгаго воздержанія. Не опасайтесь ничего, дражайшая Юлія, вечеру въ 10 ча-

совъ, когда заснутъ всѣ монахини, я буду находиться удверей сада монастырскаго. Служанка, принесшая ваше письмо, увѣрила меня, что она получитъ удобно ключь отъ дверей онаго, и что вы посему безъ всякаго помѣшательства изъ монастыря выттти можете. Все готово къ нашему отъѣзду, и какъ лишь скоро захотимъ, то корабль немедлѣнно отвалитъ отъ берега. Оставайтесь впрочемъ въ покоѣ, прекрасная Юлія, и представте токмо себѣ, съ какою я нетерпѣливостію приближенія ночи ожидаю.

Я послѣдовала вовсемъ наставленію г. Бурсета. Служанка получила ключь отъ дверей сада монастырскаго, не подвергнувъ себя ни малѣйшему подозрѣнію, понеже она для различныхъ надобностей монахинь принуждена бываетъ часто выходить изъ монастыря. Лишь только минуло 10 часовъ вечера, то вышла я съ нею на дворъ, и оттуда вошедъ въ садъ, отворила дверь онаго съ величайшею осторожностію; понеже самый малѣйшій шумъ могъ бы весь монастырь встревожить: но по особливому счастію никто умысла нашего не примѣтилъ. Мы нашли тотъ часъ г. Бурсета, который насъ ожидалъ на улицѣ. Удовольствіе видѣть себя соединенныхъ препятствовало намъ другъ другу сообщить то, что чув-

чувствовали сердца наши. Одна рѣчь перерывала другую и уста наши едва могли произнести всѣ слова въ него стремящіяся. Въ семъ сладкомъ замѣшательствѣ единые вздохи и нѣкоторыя неполныя слова показывали взаимную нашу горячность, и подлинно могу сказать, что она предѣловъ не имѣла; понеже пятнатцатилѣтнее время нашего брака не могло ни мало уменьшить оную.

Не медля ни мало по семъ мы сѣли на судно. Г. Бурсетъ предвидя все, что намъ потребно было, заблаговременно приуготовилъ оное. Служанка, которая мнѣ въ побѣгѣ помогала, хотѣла, чтобы я ее взяла съ собою. Она вѣрно зная, что мой уходъ изъ монастыря произведетъ въ ономъ великое замѣшательство, думала, что ее перьвую подозрѣвать будутъ въ подаяніи мнѣ помощи. Я исполнила ее прошеніе, и наконецъ была тѣмъ весьма довольна; понеже она въ послѣдованіи великую мнѣ пользу приносила.

Два дни погода была весьма изрядная и мы надѣялись уже скоро прибыть въ Геную городъ, который избралъ г. Бурсетъ мѣстомъ нашего убѣжища; но вдругъ поднялся пресильный вѣтръ, за которымъ слѣдовала ужасная буря. Казалось, что молнія каждый мигъ устремлялась запалить

наше судно, учинившееся игралищемъ волнъ. Кормщикъ не могъ болѣе управлять онымъ; различные вѣтры оказывали попеременно свою ярость, а гладкая поверхность водъ представляла высокія горы и ужасныя стремнины. Наконецъ буря столь усилилась, что матрозы, лишившись всей надежды, вздумали для спасенія своей жизни судно посадить на мѣль при берегахъ Савонскихъ. Между тѣмъ всякой выбрасывалъ весь грузъ корабельной въ море, одни только сундуки г. Бурсета сохранены были, или изъ почтенія къ нему, или находясь въ самомъ сокровенномъ мѣстѣ судна, никому въ замѣшательствѣ не попались.

Во время общаго всѣхъ сокрушенія глаза мои отъ слезъ не осыхали. Собственная моя смерть не столько тревожила духъ мой, сколько погибель моего любовника. Я причиною вашего несчастія, говорила ему. Увы! когда бы вы меня не знали, не были бы вы и злополучны. Немилосердый рокъ! почто опредѣлилъ ты видѣть взаимно кончину нашу. Г. Бурсетъ нѣжно сжимая мои руки, старался меня утѣшить. Успокойся, прекрасная Юлія, говорилъ онъ, скоро увидимъ окончаніе сей бури, показывается уже берегъ, и намъ не будетъ ни малой опасности на томъ мѣстѣ, гдѣ опредѣлено посадить на

мѣль

мѣль наше судно. Однимъ словомъ: онъ употреблялъ всѣ способы къ истребленію моего страха, и хотя въ такомъ же былъ отчаяніи, какъ и я, однако видя меня въ ономъ и опасаясь встревожить еще болѣе смущенное мое сердце, принималъ на себя видъ самый спокойный. Я онымъ притворствомъ столь ободрена была, что опасность нашу ни въ полы столь велику не считала, какъ она была въ самомъ дѣлѣ, о чемъ я обстоятельно узнала послѣ.

Наконецъ небо умилосердясь надъ нами опредѣлило прекратить наше бѣдствіе. Часа три, или четыре боровшись съ смертію, увидѣли мы, что наше судно не въ дальности отъ берега сѣло на мѣль. Стремленіе волнъ и сила вѣтра были столь велики, что они взгоня его на ужасную песчаную гору, какъ казалось, могли въ мельчайшія щепы разсыпать оное. Матрозы увидя, что никакихъ скрытыхъ камней въ водѣ не было, поспѣшали одну шлюбку спустить на воду. Нѣкоторые изъ нихъ перевезли г. Бурсета и меня на берегъ, а прочіе остались въ суднѣ, для сохраненія онаго.

Буря продолжалась послѣ сего еще цѣлый день, наконецъ мало по малу море успокоилось; и мы, взявъ наши сундуки изъ судна, поѣхали сухимъ путемъ въ Гену,

нуу, отъ которой еще въ пятнатцати миляхъ находились.

По прибытіи въ сей городъ пошли мы немедлѣнно упасть къ стопамъ Архіепископа. Бурсетъ, изъяснивъ ему причины нашего побѣга, просилъ благословенія на наше бракосочетаніе. Онъ благосклонно выслушавъ наши прозьбы, приказалъ намѣстнику своему насъ обвѣнчать. Лишь только отправлены были всѣ надлежащія къ сему обряды, то г. Бурсетъ писалъ объ ономъ къ моимъ родителямъ, прося ихъ о забвеніи нашего преступленія, и обѣщаясь отказаться на всегда отъ всѣхъ правъ моихъ.

Мы надѣялись, что родители мои, не имѣя уже средства препятствовать моему браку, легко согласятся упустить мой проступокъ: но они о томъ и думать не хотѣли, а провѣдавъ чрезъ письмо моего супруга о мѣстѣ нашего пребыванія, такъ же и о бракѣ нашемъ, взнесли жалобу на него, яко похитителя ихъ дочери, въ парламентъ города Э. По опредѣленію онаго бракъ нашъ уничтоженъ, а супругу моему надлежало на ешафотѣ потерять голову. Въ слѣдствіе сего описали все его имѣніе, и мы остались въ чужой странѣ, поссорясь съ своими ближними, потерявъ надежду когда нибудь возвратиться во Францію,

цію, и лишась вЪ оной знатнаго имѢнія. Я думала, что не вЪ состояніи буду понести сего послѢдняго несчастія. БѢдствіи моего супруга, которыхЪ я единая была причиною, приводили меня вЪ отчаяніе, и чѢмЪ казался онЪ спокойнѢе, тѢмЪ болѢе я страдала, помышляя, что столь нѢжная любовь и столь рѢдкая бодрость духа обременены были несчастными почти злоключеніями.

Представляя себѢ наше состояніе, я почти безпрестанно вЪ слезахЪ утопала. СупругЪ мой ни очемЪ такЪ не старался, какЪ о моемЪ утѢшеніи. Мы счастливы, говорилЪ онЪ; понеже другЪ друга равно любимЪ, и пребудемЪ всегда неразлучны. Когда я потерялЪ мое имѢніе, то тобою сугубо возвратилЪ оное; и такЪ не сожалѢй о моемЪ несчастіи, прекрасная Юлія! Оно для меня стократно пріятнѢе того счастія, вЪ которомЪ я находился вЪ Марсельи, будучи вЪ разлукѢ сЪ вами. Сіи слова на нѢкоторое время услаждали мою горесть; но она вскорѢ по семЪ начинала паки терзать мое сердце. Что сЪ нами воспослѢдуетЪ, помышляла я, когда мы проживемЪ то, что г. БурсетЪ привезЪ сЪ собою. ОнЪ не менѢе моего о семЪ безпокоился, хотя и увѢрялЪ меня, что о томЪ ни мало не помышляетЪ. Служанка,

которую я привезла съ собою, свидѣтельствуя самыя сокровеннѣйшія мои стенанія, дала мнѣ нѣкогда такой совѣтъ, которой предохранилъ насъ совершенно отъ бѣдности. Государыня моя, сказала она мнѣ однимъ днемъ, супругъ вашъ имѣетъ еще много денегъ: употребите ихъ въ торговлю. Имѣніе ваше не только не оскудѣетъ, но возраститъ паче; и когда вы захотите потрудиться хотя нѣсколько, то никогда не будете имѣть причины опасаться бѣдности, которой одно вообраЖеніе васъ столь тревожитъ. Я знаю, что вы не обыкли къ трудамъ купечества; но я постараюсь васъ замѣнить собою, и какъ скоро вы будете имѣть лавку, то я въ оной поведу весь надлежащей порядокъ.

Долго разсматривала я сей совѣтъ; но хотя мнѣ и несносно было предложить супругу моему изъ знатнаго дворянина учиниться купцомъ; однако въ нашихъ обстоятельствахъ надлежало истребить суетное тщеславіе, для промышленія необходимаго въ нашей жизни, въ чемъ бы мы безъ сего средства въ послѣдованіи могли имѣть недостатокъ.

Мой супругъ принявъ съ удовольствіемъ сіе предложеніе, употребилъ свои деньги, какъ и нѣсколько драгоцѣнныхъ камней для покупки различныхъ товаровъ, и мы

на-

наконецъ изобильную вовсемъ имѣли лавку. Г. Бурсетъ хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, однако наконецъ довольную привычку сдѣлалъ ко всѣмъ купеческимъ суетамъ и попеченіямъ: но теперь благодаримъ Бога, домашнія наши дѣла уже болѣе насъ не обременяютъ. Служанка, о которой я упоминала, помогала намъ въ перьвыхъ годахъ весьма много; но къ сожалѣнію нашему она умерла, нѣсколько уже тому времени. Супругъ мой и я любимъ другъ друга и по сихъ поръ съ такою же горячностію, какъ въ перьвый день брака нашего. Весьма немногимъ въ семъ городѣ извѣстно наше состояніе, и мы въ тишинѣ и умѣренности провождаемъ жизнь нашу. Родители мои не желаютъ со мною примириться; имѣніе г. Бурсета находится подъ описью, и мы развѣ послѣ кончины моего батюшки надѣемся увидѣть паки наше отечество. Тогда, ежели моему супругу удастся изходатайствовать себѣ прощеніе, то мы возвратимся въ оное.

Графиня Дорія, узнавъ наши обстоятельства чрезъ хорошихъ людей, просила родителей моихъ, чтобы предать забвенію прошедшее; но они были вовсе непреклонны. Всѣ старанія сей знатной госпожи, которую я истинною своею матерію почитаю, только что болѣе меня въ томъ

удосто=

удостовѣрили, что я ничего не должна ожидать отъ жестокосердыхъ моихъ родителей.

Вотъ, любезная Россалина, повѣсть моихъ несчастій. Не однѣ вы, какъ вамъ кажется, гонимы судьбиною, но не отчаявайтесь въ перемѣнѣ вашихъ обстоятельствъ. Я надѣюсь, что графиня Дорія любя меня не оставитъ и васъ безъ помощи; впрочемъ разполагайте моимъ домомъ, какъ вашимъ собственнымъ.

Россалина чувствуя всѣ знаки дружества, которые г. Бурсетъ ей оказывала, благодарила оную наичувствительнѣйшимъ образомъ. Чѣмъ я вамъ не обязана! говорила она. Небо показало мнѣ довольно, сколь оно щедро въ подаяніи помощи несчастнымъ. Вы видѣли надъ собою подобныя моимъ несчастіи: разсуждайте же о моей къ вамъ благодарности по той, которую бы вы сами чувствовали, когда бы вамъ оказалъ кто толико чистосердечія и благосклонности, колико вы мнѣ явили. Не вѣдая какая судьба мнѣ предоставлена. Но въ какомъ бы состояніи я ни находилась, всегда однако буду съ удовольствіемъ воспоминать, что вы меня обязали болѣе тѣхъ, которые бытіе мнѣ даровали.

Я никогда отъ васъ не слыхала, отвѣтствовала г. Бурсетъ, по какому случаю находились вы въ сей землѣ съ вашею матушкою. Могу ли я спросить, дражайшая Россалина, въ какомъ состоянiи находились ваши родители? Я прошу удовольствовать мое любопытство, ежели оно только не огорчитъ васъ напоминовенiемъ вашихъ злоключенiй. Увы! сказала на сiе Россалина, вы еще не вѣдаете прямаго моего нещастiя, а когда его узнаете совершенно, то я еще болѣе достойна буду вашего сожалѣнiя. Она объявила потомъ г. Бурсетъ, что въ старухѣ не умертвили ея матери; наконецъ разсказала подробно о своемъ воспитанiи въ монастырѣ Венецiанскомъ и о совершенномъ незнанiи о своихъ родителяхъ. Я открываю вамъ, примолвила она, важнѣйшую мою тайну: но когда бы ее отъ васъ сокрыла, то тѣмъ бы преступила долгъ благодарности, которою вами неизреченныя благодѣянiя меня обязали.

Г. Бурсетъ удивляясь всему слышанному, думала, что ей удобно будетъ открыть родителей Россалины, когда они находятся въ городѣ Генуѣ. Она обѣщала освѣдомляться сама съ величайшею осторожностiю о всемъ томъ, что бы хотя малѣйшiй путь къ сему открыло.

ло. Она такъ же упорно въ томъ стояла, что надлежитъ сію тайну открыть графинѣ Доріи; но Россалина на сіе не соглашалась. Мы неизвѣстны, говорила она, о причинахъ, которыя принудили моихъ родителей скрывать мое рожденіе. Можетъ быть ихъ польза требуетъ, чтобы тайна сія была сокрыта. Можетъ быть и то, что они не находятся совсемъ въ Генуѣ. Старуха мнѣ говорила, что я рождена въ Медіоланѣ. Уповательно, что въ сей городъ былъ кто нибудь посланъ, который бы мнѣ объявилъ, отъ кого я произхожу и какая мнѣ участь предоставлена. Можетъ быть наконецъ, что жизнь моя и моихъ родителей зависитъ отъ моихъ поступокъ. По симъ то причинамъ я никому не открою того, что теперь вамъ, любезная благодѣтельница, повѣрила. Я васъ только прошу послать въ монастырь, въ которомъ меня воспитывали, извѣстіе о моихъ приключеніяхъ. Какъ скоро не увидятъ возвращенія старухи тѣ, которые повелѣли меня взять изъ онаго, то они конечно будутъ писать къ монахинямъ, у которыхъ въ смотрѣніи я находилась; а они и могли бы оныхъ увѣдомить, что я нахожусь въ Генуѣ и въ вашемъ живу домѣ.

Г. Бурсетъ согласяся на мнѣніе Россалины, увѣдомила подобно монахинь о всѣхъ

ея приключеніяхъ; причемъ Россалина не преминула и сама писать о томъ же къ настоятельницѣ того монастыря.

Между тѣмъ любовь приуготовляла новыя безпокойства несчастной Россалинѣ. Она еще не вѣдала, какія терзанія чувствуетъ сердце, подверженное сей страсти. Любовь по сіе время ей по одному имени только извѣстна была; но вдругъ оная всю свою силу къ пораженію Россалины истощила. Младой Пилигримъ (*), который прихаживалъ часто въ лавку г. Бурсетъ, возмутилъ спокойствіе души ея. Одежда его нѣсколько отмѣнна была отъ той, какую обыкновенно носятъ люди сего рода, и имѣла довольно пріятный видъ; шляпа же его и посохъ украшены были маленькими серебреными бляшками. Во Франціи сказали бы, что сей человѣкъ, не будучи истиннымъ Пилигримомъ, одеждою своею, яко личиною прикрывается; но въ Италіи не можетъ таковой ни малѣйшаго произвести удивленія, или желанія узнать истинное его состояніе; понеже въ оной часто случается видать знатнѣйшихъ господъ, изъ набож-

(*) Пилигримъ, странствевникъ, который изъ набожности въ тотъ, или другой монастырь, или какое святое мѣсто для богомоленія пѣшкомъ ходитъ.

божности мѣшающихся между нищими и побродягами, и думающихъ освятить себя сходивъ въ Пилигримской одеждѣ къ Лоретской Богоматери. Въ семъ же случаѣ всего удивительнѣе было то, что помянутый Пилигримъ былъ Французъ, хотя и говорилъ весьма чисто по Италіански.

Россалина, которую всѣ считали родственницею г. Бурсетъ, бывала обыкновенно съ нею въ лавкѣ. Рѣдкой день не приходилъ въ оную младой Пилигримъ раза два, или три. Онъ всегда въ чемъ нибудь имѣлъ нужду. Г. Бурсетъ въ короткое время съ онымъ познакомилась. Она чувствуя къ сему молодому человѣку нѣкоторую особливую склонность, принимала его всегда съ особливою учивостію; что случается весьма рѣдко въ Италіи, гдѣ всѣ купцы столько же будучи корыстолюбивы, сколько и въ Парижѣ, во сто кратъ бываютъ грубѣе и несноснѣе первыхъ. Таковыя привѣтствіи понуждали младаго иностранца почаще навѣщать свою одноземку, такъ называлъ онъ г. Бурсетъ, и говоря ей о причинѣ своего пребыванія въ Генуѣ, сказалъ, что ожидаетъ нѣкотораго своего пріятеля, съ которымъ по обѣщанію, учиненному въ опасной болѣзни, надлежитъ имъ Пилигримами побывать

въ Лореттѣ (*). Г. Бурсетъ вѣрила охотно всѣмъ симъ разсказамъ, не вѣдая того, что въ самомъ дѣлѣ любовь, а не иное что превратила его въ Пилигримы, устремивъ на передъ всѣ его мысли къ обожанію Россалины. Онъ съ радостію готовъ бы былъ открыть ей истинныя чувствія своего сердца, когдабъ не опасался тѣмъ огорчить оную. Ежели мое объявленіе будетъ ей противно, помышлялъ онъ, то я на всегда лишусь удовольствія ея видѣть; и такъ лучше наблюдать молчаніе, хотя оно мнѣ и несносно. Но чего могу я надѣяться отъ любви моей? Не знаемъ будучи въ сей землѣ, въ которой мнѣ не возможно долгое пребывать время, удаленъ будучи отъ моихъ родственниковъ; и находясь въ необходимости укрывать себя почти отъ каждаго, что бы не быть признану, Не довольно ли сего безпокойства, не обремѣняя сердца моего тяжкими любви оковами? Но еще мнѣ осталось время, призвавъ въ помощь сла-

 бой

(*) Лоретта, городъ. лежащій въ Папской области. Извѣстенъ болѣе по невѣроятному почти богатству, которымъ тамошняя церьковь прес. Богородицы украшена, и по частымъ путешествіямъ, которыя Римскіе католики въ сей городъ дѣлаютъ.

бой мой разсудокъ, возвратиться во Францію. Родитель ко мнѣ пишетъ, что тамъ брачное ложе меня ожидаетъ. Чего еще ожидаю я въ семъ мѣстѣ, гдѣ важныя причины принуждаютъ меня укрываться? Увы! сколько бы я былъ благополученъ, когдабъ за 10 дней предъ симъ выѣхалъ изъ Генуи. Не увидя Россалины наслаждался бы я всегдашнимъ моимъ спокойствіемъ: но ахъ! единая минута превратила видъ всѣхъ моихъ обстоятельствъ. Коликo бы не укорялъ себя слабостію; вижу однако, что не могу удалиться отъ Россалины, которую съ самаго перваго свиданія началъ любить страстно; каждый день усугубляетъ мою горячность, каждый мигъ, въ который ее вижу, налагаетъ на меня новыя оковы, а мои разсужденія только что мнѣ доказываютъ безполезность оныхъ.

Россалина не спокойнѣе была младаго Пилигрима. Отъ чего сіе произходитъ, говорила она сама себѣ, что я всегда смущаюсь, когда вижу сего Француза? Противъ воли моей желаю слышать его разговоры. Когда же начинаю его разсматривать, то чувствую отъ того удовольствіе почти неописанное. Что бы была за причина симъ движеніямъ души моей? Когда бываю на единѣ, то образъ его пред-

став-

ставляется безпрестанно моимъ мыслямъ; въ самое его отсутствіе кажется, что я черты лица его вижу, слышу его слова; а иногда и отвѣтствую на оныя. Увы! не помѣшался ли мой разсудокъ, или сіи колебанія моего сердца и безпокойствы онаго, не суть ли знаки овладѣвшаго мною нѣкотораго зла, которое отъ иныхъ любовію называется; не ужъ ли небо повергаетъ меня въ новое сіе несчастіе, и лишивъ меня родителей и всего почти на свѣтѣ, кромѣ дружбы такой же нещастной, какъ и я, предаетъ сердце мое во власть мучительной сей страсти. Нѣтъ, нѣтъ, продолжала Россалина, смущеніе сердца моего не предвѣщаетъ мнѣ того, чего я опасаюсь: любовь не сотворена для людей толико злополучныхъ, какъ я.

Такимъ образомъ Россалина сама отъ себя скрывала страсть свою; а чтобъ истребить и малѣйшее смущеніе изъ своего сердца, то вознамѣрилась она убѣгать присутствія младаго Пилигрима. Не видя его никогда у г. Бурсетъ, помышляла Россалина, изгоню онаго изъ моихъ мыслей, стократно удобнѣе можетъ быть, нежели онъ позабудетъ меня. . . . Но для чего желаю я, что бы онъ воспоминалъ о мнѣ; статься можетъ, что въ самое то время, когда я о немъ столь много размышляю,

онъ не вѣдаетъ, что я есмь на свѣтѣ? Кто знаетъ, что онъ обо мнѣ хотя единую минуту думалъ? Когда онъ бываетъ у г. Бурсетъ; то все его учтивости къ ней относятся. Едва удостоилъ онъ меня раза два, или три поговорить съ собою, и такъ изъ чего же я могу заключить, что я хотя малѣйшее мѣсто занимаю въ его памяти. Но что мнѣ въ томъ, хотя онъ меня любитъ, или ненавидитъ, хотя обо мнѣ помышляетъ, или нѣтъ. Когда онъ будетъ разуменъ; то, послѣдуя моему примѣру, постарается меня убѣгать.

Любовь, владычествующая надъ сердцемъ Россалины, стократно перемѣняла въ ономъ свои виды. То во образѣ ненависти, то безпристрастія, ежечасно умножала свою силу и утверждала побѣду младаго Пилигрима. При всемъ томъ Россалина, слѣдуя своему намѣренію, два дни принуждала себя убѣгать его присутствія, и когда онъ приходилъ къ г. Бурсетъ; то она всегда находила какія нибудь причины удаляться въ свою комнату.

Любовь бываетъ весьма прозорлива. Французъ удобно примѣтилъ притворство Россалины, но не зналъ, чему приписать оное; чѣмъ я ей досадилъ, говорилъ онъ, оказывая всегда глубочайшее почтеніе, даже до того, что принуждалъ глаза мои

къ

къ молчанію. Хотя же я и взиралъ иногда на ея прекрасный образъ, однако никогда не выступалъ изъ надлежащаго воздержанія и умѣренности. Чѣмъ же я могъ заслужить ея ненависть? Увы, я бы погибъ конечно, когдабъ открылъ ей, что душа моя подвластна ея прелестямъ.

Во время сихъ печальныхъ размышленій Пилигримъ не могъ ничѣмъ утѣшиться. Понеже я лишаюсь всей надежды, говорилъ онъ, и потому не могу уже быть болѣе гонимъ судьбиною, то облегчу покрайней мѣрѣ мои горести, открывъ ихъ той, которая произвела оныя. Любовь безъ надежды на все отважиться готова. Оставя все излишнее почтеніе, покажу жестокой Россалинѣ, сколь мало заслуживалъ я сіи суровости, которыми она угнѣтаетъ мое сердце . . . Почто свирѣпая, почто убѣгаешь моего присутствія? За что я кажусь тебѣ столь гнусенъ? Любовь нѣжьѣйшая и почтеніе глубочайшее такого ли воздаянія достойны?

Въ то время, какъ младой Пилигримъ приходилъ почти въ отчаяніе, счастіе пеклося о его утѣшеніи. Россалина чувствуя тоже, что и онъ, не въ состояніи была убѣгать болѣе его присутствія, а принужденіе, учиненное себѣ прежде тѣмъ, паче ея увѣрило, что она любитъ сего Фран-

 цуза-

цуза. Тайна сердца ея открылась, и она ясно увидѣла свою слабость.

Въ одинъ день, какъ Пилигримъ пришелъ въ лавку г. Бурсетъ, она, отвлекаема будучи нѣкоторымъ важнымъ дѣломъ, просила Россалину во время краткаго ея отсутствія побыть въ лавкѣ. Такимъ образомъ прекрасная сирота увидѣла себя наединѣ съ симъ опаснымъ человѣкомъ, и отъ сего въ такое пришла замѣшательство, что опустивъ глаза свои, не смѣла съ четверть часа поднять оныхъ. Наконецъ не прежде, такъ сказать, проснулась отъ сего сна, какъ когда уже необходимость понудила ее отвѣтствовать на вопросъ младаго Пилигрима. Онъ желая воспользоваться сими пріятными минутами, которыя счастіе ему даровало, осмѣлился объявить Россалинѣ о побѣдѣ ея прелестей, и наконецъ по многимъ разговорамъ открыть ей совершенно воспламененное свое сердце ея взорами. Сіе изъясненіе привело ее въ немалое удивленіе, понеже она совсѣмъ не ожидала онаго; наконецъ по долгомъ изумленіи отвѣтствовала она съ большею умѣренностію, нежели влюбленной Французъ могъ надѣяться.

Я знаю довольно, говорила Россалина, что Французы весьма учтивы, и что они разговоръ свой съ женщиною приправляютъ

обык-

обыкновенно различными нѣжностями; по сему ни мало не удивляюсь я о томъ, что вы стараетесь увѣрить меня о вашей горячности. Между тѣмъ, понеже я Италіанка и мало еще знающа въ семъ родѣ разговоровъ, то не лучше ли до пришествія г. Бурсетъ перемѣнить оной. Увы! вскричалъ Пилигримъ, хотя бы вы на всегда изгнали меня отъ лица вашего, хотя бы еще съ большимъ стараніемъ убѣгали моего присутствія, нежели до сего дня; однако все сіе не сильно удержать меня отъ объявленія вамъ моего страданія. Умру, прекрасная Россалина! ежели симъ навлеку на себя вашу ненависть: но когда бы и не открылъ вамъ моей страсти, то такъ же не могъ бы жить болѣе. Не стыдитесь, государыня моя, что человѣкъ, неизвѣстный никому, объявляетъ себя вашимъ любовникомъ. Состояніе мое позволяетъ мнѣ и въ лучшихъ домахъ Италіи не думать о неудачѣ моихъ требованій: но съ того часа, какъ васъ увидѣлъ, всѣ мои помышленія къ вамъ единственно стремятся, и вы одни въ сей землѣ меня удерживаете; но безъ вашихъ побѣдоносныхъ прелестей находился бы я теперь въ Туринѣ. Ваши взоры покорили сердце мое въ самое то время, когда они въ перьвый разъ съ моими встрѣтились. Я искалъ случая васъ чаще ви-

видѣть и говорить съ вами, а глаза мои всюды за вами слѣдуя примѣтили, что вы вошли въ сей домъ. Сіе самое побудило меня познакомиться съ г. Бурсетъ, и съ сего времени съ нетерпѣливостію ожидалъ я того часа, въ которой бы могъ открыть вамъ жестокую любовь, которую красота ваша вдохнула въ мое сердце.

Оставимъ все сіе, отвѣтствовала Россалина; я прошу васъ только сказать мнѣ, чего надѣяться можно отъ такой страсти, которую почувствовали вы ко мнѣ, не знавъ меня ни мало, или бы я къ вамъ имѣла оную, не знавъ васъ болѣе, нежели какъ теперь знаете вы меня? . . . . Я не хочу оказывать вамъ моего презрѣнія, которымъ бы конечно иная женщина наградила ваше неблагоразумное изъясненіе; однако знайте, что я столь терпѣлива впредь не буду. Когда для снисканія вашей благосклонности, сказалъ Французъ, надлежитъ мнѣ открыть вамъ прямое мое состояніе, то я немедлѣнно подамъ самыя убѣдительныя доказательства не послѣдняго моего произхожденія. Лишь только вы скажите, что я вамъ не противенъ, то не буду ни мало колебаться въ откровеніи вамъ моей тайности. Я не желаю знать оную, отвѣтствовала Россалина, и откровенно говорю вамъ, что мы не сотворены одинъ для другаго.

Ли-

лишите себя всей надежды, понеже непреоборимыя препятствія насъ резлучаютъ; и ежели хотите доказать, что нелицемѣрно меня любите, то старайтесь убѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ я находиться буду, и наградите тѣмъ мое снисхожденіе, съ которымъ отвѣтствую я на ваши изъясненія, долженствующія мнѣ дѣлать немалую обиду.

Я повинуюсь вашей волѣ, отвѣтствовалъ Французъ съ прискорбною задумчивостію, и пойду въ отдаленнѣйшія мѣста питать мое отчаяніе повсечастымъ воображеніямъ вашихъ прелестей. Слѣдуя вашему повелѣнію вижу, что предаю себя горчайшему мученію; но вы того требуете, и такъ надлежитъ вовсемъ васъ удовольствовать. Я вижу, что. . . Возвратившаяся въ сіе время г. Бурсетъ принудила младаго Пилигрима перемѣнить разговоръ свой. Онъ, не въ состояніи будучи долгое время пробыть въ ея лавкѣ, возвратился въ домъ свой простяся съ Россалиною жалостнѣйшими взглядами. Лишь только онъ вышелъ, то она почувствовала, что ея сердце сильнѣе прежняго начало тревожиться. Свершилось мое несчастіе, говорила она; я его болѣе не увижу, и онъ для того только открылъ мнѣ страсть свою, что бы мнѣ тѣмъ тягостнѣе было его лишиться. Почто я его отъ себя изгнала? По-

что не узнала его обстоятельствѣ? Но ахъ! къ чему мнѣ служитъ знаніе оныхъ. Или я не помню болѣе той несносной неизвѣстности, въ которой я сама о себѣ нахожусь. Могу ли я отдать сердце мое, не знавъ еще моихъ родителей, которое имѣютъ право располагать онымъ? Сей Французъ конечно человѣкъ не послѣдняго состоянія; и такъ захочетъ ли онъ дѣйствително прилѣпиться къ дѣвкѣ, незнающей ни рода своего, ни отечесшва? Увы, несносная старуха, исторгнувшая меня изъ нѣдръ спокойствія монастырскаго; ты причиною всего моего несчастія! Почто скрывала ты отъ меня такую тайну, отъ которой зависѣло благополучіе моей жизни? Я увѣряла тебя въ моей скромности; но ты нечувствительна была къ моимъ прозьбамъ, и твоя проклятая недовѣрчивость повергла меня на всегда въ пучину лютѣйшихъ злоключеній.

Грусть ея усилилась паче отсутствіемъ младаго Пилигрима, который точно наблюдая ее повелѣніе, пересталъ посѣщать г. Бурсетъ. Чего осталось мнѣ надѣяться? помышляла Россалина. Я сама его изгнала, оказывая ему такую суровость, какой никогда въ себѣ не ощущала. Что помощи въ моихъ притворствахъ? Хотя онъ и убѣгаетъ моего присутствія; но образъ его оби-

обитаетъ безпрестанно въ моемъ сердцѣ. Увы! ежели онъ истинно меня любитъ? Ежели всѣ его увѣренія чистосердечны? То онъ довольно отмщенъ за оказанную ему отъ меня суровость. Какое бы было для него торжество, когдабъ онъ вѣдалъ, что слабый мой разсудокъ его изгоняетъ, а сердце въ самое то время возвращаетъ и всюды за нимъ слѣдуетъ. Можетъ быть жестокость моя принудила его истребить меня совсемъ изъ своихъ мыслей. Я бы могла ему сказать, что не безпристрастіе, но долгъ, состояніе мое и тайныя причины опредѣляютъ его несчастіе. Посему онъ бы не обвинялъ меня ни презрѣніемъ, ни ненавистію, воспоминалъ бы обо мнѣ безъ огорченія, и я бы еще могла думать, что онъ меня не возненавидитъ; а хотя и забудетъ, но однако не обратитъ во омерзѣніе прежней своей горячности. Почто суетное честолюбіе и причудливая должность повелѣваютъ мнѣ оказывать такую гордость, которую ежечасно опровергаетъ мое сердце? Ежели же, какъ говорятъ, противна небу всякая слабость человѣка, то почто оно повергло меня въ оковы сего жестокаго побѣдителя!

Тайныя грусти, терзающія Россалину, затмили нѣсколько красоту оной. Во всѣхъ дѣйствіяхъ ея видима была нѣкото-

рая

рая угрюмая задумчивость, которую сколько она ни старалась скрывать отъ г. Бурсетѣ, однако ее довольно оная примѣтила. Что вамъ сдѣлалось? говорила она ей; мнѣ кажется, что вы грустите нынѣ болѣе прежняго; вы ищете уединенія и убѣгаете нашего сообщества. Не досадилиль мы вамъ чѣмъ нибудь? Или не желаете ли вы чего? скажите, ничего не опасаясь. Я васъ стократно увѣряла, что вы можете на меня вовсемъ какъ на родную вашу сестру положиться; и такъ не опасайтесь открыть мнѣ ваше сердце. Отпустите мою задумчивость, отвѣтствовала Россалина, горькому состоянію, въ которомъ я нахожусь. Сколько я власти надъ собою ни имѣю, однако не могу изъ сердца своего изгнать напоминовенія моихъ несчастій. Можетъ быть время приведетъ ихъ въ забвеніе; можетъ быть получу я изъ Венеціи извѣстіе, которое прекратитъ навсегда мое смущеніе. Я того конечно надѣюсь, сказала на сіе г. Бурсетъ, и думаю, что мы скоро увидимъ конецъ вашимъ несчастіямъ. Теперь же болѣе всего совѣтую вамъ воздерживаться отъ сей грусти, въ которую вы нынѣ погружаетесь, и которая печальныя слѣдствія имѣть можетъ; а что бы разогнать оную сколько возможно, то мы (когда вамъ то будетъ непротивно) пойдемъ

зав-

завтрѣ къ графинѣ Доріи; я васъ представлю ей, яко дочь одного Венеціанскаго купца, моего пріятеля; и понеже не желаете вы, что бы она извѣстна была о вашихъ обстоятельствахъ, то ихъ весьма удобно будетъ скрыть отъ оной.

Я соглашаюсь на все то, что вамъ угодно, сказала Россалина, и слѣпо послѣдую вашимъ наставленіямъ. Дружба и благодарность дѣлаютъ ихъ для меня драгоцѣнными; но о томъ только васъ прошу, что бы вы не сочли нечувствительностію мою суровость въ обхожденіи съ вами. Мои обстоятельства и неизвѣстность моего состоянія раждаютъ во мнѣ иногда такую скуку, которую я всѣми силами побѣдить не въ состояніи. При всемъ томъ какія бы горести я ни чувствовала, они ни наединый часъ не могутъ истребить изъ моего сердца той благодарности, которою я вамъ обязана.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Госпожа Бурсетъ, стараясь безпрестанно о прекращенiи печалей Россалины, повела ее къ графинѣ Дорiи, какъ обѣщала она на канунѣ того дня. Прибывъ туда пришли они въ крайнее удивленiе, услыша, что она за день предъ симъ отъѣхала въ свою деревню, гдѣ нѣкоторое время пробыть думала. Графиня обѣщала, говорила г. Бурсетъ тому служителю, которой ей о семъ сказывалъ, увѣдомить меня о своемъ отъѣздѣ, которой она еще недѣли черезъ двѣ учинить была намѣрена. Правда, государыня, отвѣтствовалъ служитель, она и вчерась тоже думала, но особливыя и неизвѣстныя вамъ причины принудили ее перемѣнить сiе намѣренiе. Она поѣхала съ графомъ, ея супругомъ.

Россалина не весьма сожалѣла о томъ, что не могла графиню видѣть; понеже она единственно въ удовольствiе г. Бурсетъ согласилась представить себя оной. Въ такомъ горестномъ состоянiи обращенiе съ свѣтомъ только что возобновляетъ чувствуемыя уже скорьби. Мысли Россалины

на-

наполнены были безпрестаннымъ воображеніемъ любезнаго ея Француза. Нѣтъ сумнѣнія, говорила она, что онъ человѣкъ знатной: хотя бы онъ того и не сказывалъ, но его поступки, видъ и изъясненія неоспоримо доказываютъ справедливость моего мнѣнія. Ежели же то правда, къ чему употреблять сіе притворство? Почто покрываться Пилигримскою одеждою? Къ чему вымышлять путешествіе въ Лорету? Я бы могла узнать основаніе сей тайны, лишь бы только его о томъ спросила. Но какую я изъ того получу пользу, и почто требуютъ знать его обстоятельствы, когда не думаю ему своихъ повѣдать? Что я знаю? Можетъ быть открытіе причинъ его набожности усугубитъ скорьбь мою, и покажетъ, что я болѣе участія имѣю въ его притворствѣ, нежели думаю. Полезнѣе для меня убѣгать всего того, что можетъ мнѣ учинить его драгоцѣннымъ. Увы! почто открылъ онъ мнѣ чувствія его сердца? Почто не оставилъ онъ меня въ первомъ невѣденіи о его склонности? Можетъ быть я бы еще могла изцѣлиться, воображая его ко мнѣ равнодушіе; но теперь нѣтъ никакого врачевства души моей. Онъ представляется ежечасно моимъ мыслямъ съ тѣмъ разительнымъ видомъ, съ которымъ объявлялъ мнѣ побѣ-

ду

ду моихъ слабыхъ прелестей. Кажется, что во всѣхъ мѣстахъ повторяются его клятвы, противъ всѣхъ моихъ жестокостей любить меня вѣчно. Прости мнѣ, любезный иностранецъ! Несносная мнѣ самой должность опредѣлила твое изгнаніе. Повинуяся разсудку и благопристойности, чувствую сугубо тѣ жестокости, которыя тебѣ я причинила.

Смущаема будучи всегда сими мыслями Россалина, прогуливалась нѣкогда въ садахъ, находящихся подлѣ фонаря, освѣщающаго гавань Генуесскую. Въ семъ пріятномъ уединеніи ничто не препятствовало ей погрузиться въ обыкновенную свою задумчивость. Надлежитъ упомянуть, что въ украшеніи сихъ садовъ кажется то искусство человѣческое превзошло удивительныя произведенія натуры. Тамъ видимы повсюду разсѣянныя оранжевыя рощицы, которыхъ тѣни между собою сплетаются, и тѣмъ прогуливающихся укрываютъ отъ зною солнца. Тысяча маленькихъ лѣсочковъ, раздѣляющихся огромными аллеями, служатъ убѣжищемъ любовникамъ безсчастнымъ, которые могутъ тамъ оплакивать свои бѣдствія, и соединять сокрушенія свои съ стономъ плачевной Филомены: однимъ словомъ, кажется, что сама любовь нарочно украсила сіе мѣсто для

утѣ-

утѣшенія тѣхъ, которые чувствуютъ ея гоненіе.

Россалина походивъ нѣсколько между оранжевыми деревьями, вошла въ одну бесѣдку, обвитую зеленымъ листвіемъ. Но въ какое она пришла удивленіе, увидя въ оной младаго Пилигрима, на земляномъ каналѣ уснувшаго! Она въ туже минуту хотѣла удалиться; но любовь, яко косою подсѣкла ея ноги.

И Такъ хотя и противъ воли, однако съ немалымъ удовольствіемъ начала она разсматривать спящаго своего любовника. Одна рука поддерживала его голову, а изъ закрытыхъ глазъ упадали слезы. Онъ испускалъ тяжелые вздохи, и кажется, что любовь нарочно привела Россалину въ сіе мѣсто, что бы симъ ясняе показать ей чувствіе его сердца. Любезный чужестранецъ, говорила она, хотя ты наслаждаешься тѣмъ спокойствіемъ, какого я на всегда лишилась, и хотя воспомяни о той, которой ты величайшее несчастіе приключаешь. Выговоривъ сіе лишь только она хотѣла удалиться, какъ любезный ея Французъ проснулся, и увидя возлѣ себя Россалину, пришелъ въ неописанной восторгъ. Для Бога! вскричалъ онъ упадая къ ногамъ ея, не лишайте меня того счастія, которое мнѣ само небо даровало. Вы прика-

казали мнѣ убѣгать вашего присутствія; я повиновался вашей волѣ: но чего оно мнѣ стоило и какихъ мученій не претерпѣлъ я исполняя ваше повелѣніе! Терзаемъ безпрестанно наилютѣйшею печалію, неужь ли не могу я возбудить въ васъ и малѣйшаго сожалѣнія? Не ужь ли вы прикажете еще убѣгать вашего присутствія. Позвольте мнѣ обожать тѣ прелести, для которыхъ я живу на свѣтѣ. Я не прошу, что бы вы позволили упоминать о томъ, что они безпрестанно производятъ въ моемъ сердцѣ. Я не хочу облегчать скорбь мою, открывая вамъ оную, и довольствуяся тѣмъ, что буду имѣть позволеніе васъ иногда видѣть, сочту себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ.

Ежели правда, что вы меня искренно любите, то все сіе, чего отъ меня вы требуете, отвѣтствовала Россалина, болѣе разтравитъ, нежели исцѣлить можетъ вашу рану. Я вамъ уже говорила, что непреоборимое препятствіе предположено вашимъ желаніямъ. Почто питать такую страсть, которую когда нибудь погасить должно? Старайтесь паче убѣгать всего того, что оную возобновляетъ. Вы начали удаляться моего присутствія; продолжайте сей поступокъ, отъ него зависитъ наше общее благополучіе.

Увы!

Увы! прекрасная Россалина, вскричалъ Пилигримъ, могу ли я знать сіе непреоборимое препятствіе, о которомъ вы столь часто упоминаете. Не иной ли кто обладаетъ вашимъ сердцемъ и рукою? Не скрывайте отъ меня сего, ежели я не ошибся. Оно вселитъ меня во гробъ; но по крайней мѣрѣ выведетъ изъ сего несноснаго невѣденія, въ которомъ я нахожусь, и которое мнѣ горчае самой смерти. Хотя я ни съ кѣмъ ни соединена брачными союзами, однако имѣю другія немаловажнѣе сего причины, отвѣтствовала Россалина. Можетъ быть родители мои не согласятся на то, что бы я соотвѣтствовала вашей склонности? Можетъ быть вы сами перемѣните ваши мысли, узнавъ мое состояніе? Есть тысяща еще такихъ причинъ, которыхъ мнѣ открыть не можно. Въ какомъ бы вы состояніи рождены ни были, отвѣтствовалъ Французъ, однако оно не возпрепятствуетъ моимъ желаніямъ и я съ радостію раздѣлю счастіе мое съ вами. Но я довольно увѣренъ, что столь добродѣтельная душа, столь прекрасное тѣло не достается въ удѣлъ низкому состоянію. Небо разполагаетъ весьма премудро своими дарованіями. Между тѣмъ естьли оно сверхъ моего чаянія произвело васъ и отъ самыхъ подлыхъ родителей, однако знайте, что сердце мое

 пред-

предпочитаетЪ васЪ, прекрасная Россалина, принцессамЪ всего свѣта. ВЪ утверждение всего того, что я говорю вамЪ, прикажите только, то я открою себя совершенно и кину сiю притворную одежду, вЪ которой вы одни могли принудить меня скрываться. КакЪ я? вскричала Россалина, я причиною сего вашего одѣянiя; почто покрывать себя Пилигримскою рясою для того, чтобы меня видѣть, вы бы могли и вЪ настоящемЪ вашемЪ видѣ приходить кЪ госпожѣ БурсетЪ. Важныя причины, отвѣтствовалЪ ФранцузЪ, принуждаютЪ меня укрываться отЪ очей свѣта. ЕжелибЪ я признанЪ былЪ вЪ семЪ городѣ, то бы принужденЪ былЪ оставить оной; но мнѣ увидя васЪ не возможно уже стало отЪ него удалиться.

Признаюсь, отвѣтствовала Россалина, что все сказанное вами возбуждаетЪ во мнѣ любопытство, и я бы охотно желала слышать, по какому случаю находитесь вы вЪ Генуѣ и почто оставляете ваше отечество. Не ужь ли вы столько же безсчасны, какЪ и я? Не ужь ли небо удовлетворяетЪ своему мщенiю, принося только неповинныя жертвы оному? Дружба, отвѣтствовалЪ ФранцузЪ, была первою причиною моихЪ бѣдствiй, а несчастная любовь можетЪ быть доведетЪ ихЪ до крайности.

Сiя

Сіи послѣднія слова произнесъ онъ съ столь нѣжнымъ видомъ, что Россалина не могла воздержаться, что бы очами своими не показать ему, что онъ можетъ быть менѣе злощастенъ, нежели какъ думаетъ. Сей хотя слабый лучь надежды оживотворилъ, такъ сказать, унылаго любовника, и онъ послѣ сего говорилъ такъ: съ охотою объявлю вамъ, прекрасная Россалина, сколько судьба увеселялась моимъ гоненіемъ.

ПОХОЖДЕНІЕ ПРЕНВИЛЯ.

Я называюсь Пренвилемъ и происхожу отъ одного изъ наилучшихъ домовъ въ Шампаніи. Родитель мой весьма богатъ и почитаемъ отъ всѣхъ сосѣдей. Онъ далъ мнѣ воспитаніе, приличное моему состоянію. На четырнатцатомъ году послалъ меня въ Парижскую Академію, въ которой я въ скорости познакомился съ графомъ Сентъ Аманомъ. Онъ былъ одинакихъ со мною лѣтъ, имѣлъ довольно разума и хорошей видъ. Увы! ежели бы любовь не приключила ему толико бѣдствія; его участь была бы всякому завидна. Мы взаимно столь тѣсную заключили дружбу, что товарищи прозвали насъ *двумя пріятелями*. Мы не могли жить одинъ безъ другаго, и самая

мая любовь не можетъ вдохнуть чувствіе сильняе тѣхъ, которыя дружба произвела въ сердцахъ нашихъ, Между тѣмъ С. Аманъ раздѣлялъ сердце свое между мною и своею любовницею. Я за сіе не только на него не досадовалъ, но еще старался угадывать его мнѣнія, желая угождать онымъ. Графъ имѣлъ во мнѣ единаго своего друга и повѣреннаго всѣхъ его сокровенныхъ мыслей. Столь тѣсный союзъ не бывалъ намъ никогда въ тягость, Мы снисходили взаимно нашимъ слабостямъ и обрѣтали въ дружбѣ нашей истинное веселіе и облегченіе отъ всѣхъ печалей, возмущающихъ обыкновенно младыя лѣта. Графъ С. Аманъ имѣлъ сложеніе горячее и склонности простирающіяся до крайности. На противъ того я былъ довольно хладокровенъ и важенъ не по мѣрѣ лѣтъ моихъ. Я разговаривалъ иногда съ другомъ моимъ о его любовницѣ, которую онъ любилъ даже до бѣшенства. Хотя я нѣкоторымъ образомъ и предвидѣлъ слѣдствія неумѣренной сей страсти; однако опасаясь огорчить моего друга, не могъ прямо говорить ему объ опасности оной. Я осуждалъ внутренно его слабости, однако въ самое то время не могъ не сожалѣть о томъ, что онъ не могъ онымъ возпротивиться, и хотя съ крайнею осторожностію, однако иногда напоминалъ ему, что такая

страсть,

страсть, которую попускаемъ совершенно надъ нами владычествовать, влечетъ за собою неминуемыя несчастія. Наконецъ я увидѣлъ, что надлежало съ нимъ откровеннѣе изъясниться, и что честь и дружба налагали на меня долгъ совѣтовать ему, что бы онъ здравѣе разсудилъ о намѣреніи увезти любовницу свою въ Голландію. Какъ, думаешь ли ты о томъ, любезный графъ, что хочешь дѣлать? Не уже ли желаешь быть причиною собственнаго своего состоянія! Не постыдно ли человѣку твоего состоянія таскаться по чужимъ краямъ, оставя отечество, имѣніе и огорченныхъ на тебя родителей, для удовлетворенія твоей страсти? Не думай того, любезный графъ, что бы фамилія твоя согласилась когда нибудь на бракъ твой съ купеческою дочерью; ежели же ты и увезешь свою любовницу, то тѣмъ не даруешь ей ничего, кромѣ несчастія, и твоя страсть будетъ источникомъ вѣчнаго ея злополучія.

Всѣ сіи разсужденія не произвели въ немъ никакого дѣйствія, любовь затмѣвала его разсудокъ, и онъ остался непоколебимъ въ своемъ предпріятіи. Надлежитъ упомянуть, что мы года за два предъ симъ оставивъ Академію находились въ мускетерахъ. С. Аманъ имѣлъ въ скорости получить роту конницы, чего ради прис-

лано ему было отъ родителей восемь тысячь ливровъ для взнесенія въ военную кантору. Сими то деньгами думалъ онъ произвести намѣреніе свое въ дѣйство. Я не требую, говорилъ онъ мнѣ, что бы ты, любезный другъ, вмѣшался въ такое дѣло, которое опасныя слѣдствія имѣть можетъ; понеже дружба наша упрекала бы меня въ томъ, что я для своихъ прихотей повергъ тебя въ несчастіе. Сей разговоръ несказанно меня тронулъ. Чѣмъ заслужилъ я, говорилъ ему, что бы ты изъяснялся со мною такимъ образомъ? Или не помнишь болѣе моей дружбы и самаго меня? Можешь ли ты сумнѣваться, чтобъ я не согласился дѣлить съ тобою несчастіе такъ какъ и благополучіе? Не разлучусь никогда съ тобою, любезный другъ! ты намѣренъ увезти любезную твою *Дураццо*: я на то согласенъ. Увеземъ оную: я готовъ помогать тебѣ, сколько мнѣ возможно будетъ.

По окончаніи словъ моихъ графъ С. Аманъ не могши отъ слезъ удержаться, съ горячностію меня обнялъ. Прости мнѣ, любезный Пренвиль, говорилъ онъ, такую слабость, которой я противъ воли моей подвергаюсь. Ты видишь, сколь чрезмѣрна страсть моя; понеже и самая дружба наша не могла одолѣть оную. Однако име-

именемъ сей же самой дружбы прошу тебя, любезный другъ, не мѣшаться въ мое предпріятіе, котораго слѣдствія могутъ быть для васъ пагубны. Оставайся спокойно въ Парижѣ, не слѣдуя за несчастнымъ, которой достоинъ только твоего презрѣнія. Оставь такой разговоръ, которой меня обижаетъ, отвѣтствовалъ я С. аману. Намѣреніе уже принято; меня ничто не разлучитъ съ тобою. Смотри только, въ чемъ я могу тебѣ быть полезенъ. Не давъ мнѣ окончать сей рѣчи, другъ мой бросился паки въ мои объятія, неотступно прося, какъ и прежде, что бы не подвергать себя опасности. Но я пребывалъ твердо въ моемъ намѣреніи и не внималъ ни мало его прозьбы. Такимъ бразомъ соглашася въ нашихъ мысляхъ, положили мы чрезъ два дни выѣхать изъ города; послѣ чего показалъ онъ мнѣ письмо своей любовницы, въ которомъ она наставляла его, какъ поступить въ семъ случаѣ, и которое слѣдующаго было содержанія:

ПИСЬМО.

Я полагаюсь на ваше чистосердѣчіе и согласна за вами слѣдовать въ Голландію. Находяся съ вами вездѣ я буду счастлива. Ежели намѣрены вы въ воскресенье уѣхать

въ ночь, какъ упоминаете въ письмѣ вашемъ, то ожидайте меня вечеру въ десять часовъ у воротъ нашего дома. Когда заснутъ мои родители, то мнѣ удобно будетъ выттить изъ онаго; и хотя вы и увѣряете меня, что мы въ деньгахъ недостатка имѣть не будемъ, однако я не премину взять съ собою сто луидоровъ, которые свободно могу вынять изъ канторы моего батюшки. Вы ничего не пишите мнѣ отомъ, любезный графъ, открыто ли намѣреніе наше другу вашему Пренвилю, или нѣтъ. Я увѣрена довольно, что онъ не похвалитъ онаго, и можетъ быть согласно со мною скажетъ, что предпріятіе наше весьма отважно; но понеже вы неотмѣнно желаете уѣхать изъ Парижа и клянетесь, что ваша жизнь зависитъ отъ согласія моего на наше бракосочетаніе; то я во что бы мнѣ ни стало, хочу сохранить дни ваши, безъ которыхъ и мои должны прерваться.

Хотя я и изъяснилъ другу моему мнѣніе его любовницы, однако видя, что старанія мои безполезны, пересталъ я говорить о томъ болѣе. Какія же предосторожности принялъ ты, говорилъ я ему, для произведенія въ дѣйство твоихъ намѣреній? Я имѣю, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, восемь тысячь ливровъ и могу еще получить отъ банкера подъ росписку съ тысячу червонныхъ.

ныхъ. Изрядно, говорилъ я, присоедини же къ сей суммѣ десять тысячь ливровъ, которыми я могу разполагать по желанію, и которые было назначилъ я какъ и ты для покупки роты конницы; и такъ мы имѣя все потребное, спокойно ожидать будемъ, что выдетъ изъ нашего предпріятія: сверхъ сего примемъ довольныя предосторожности, что бы насъ въ побѣгѣ не остановили. С. Аманъ объявилъ мнѣ по семъ, что у него все было устроено. Онъ имѣлъ пашпортъ подъ ложнымъ именемъ, и приказалъ уже почтовой коляскѣ находиться въ улицѣ господина Дураццо, родителя его любовницы. Скакавъ всю ночь по утру находились мы на границахъ Фландріи; и такъ какъ бы ни старались, однако не возможно уже было остановить насъ въ побѣгѣ.

Намѣреніе наше исполнилось по желанію, и мы пробывъ одинъ день въ дорогѣ прибыли въ Брюксель. Хотя мы находились внѣ Франціи, однако не были еще вовсе безопасны: того ради немедлѣнно отправились въ Голландію. Прибывъ въ Бреду остановились дня на два, или на три для отдохновенія. Отсюда поѣхали въ Амстердамъ, гдѣ мой другъ основалъ свое жилище, сочетался законнымъ бракомъ съ своею любовницею. Между тѣмъ побѣгъ нашъ произвелъ великой шумъ въ Парижѣ. Родители

ли дѣвицы Дураццо судомъ пошли противъ моего пріятеля, и всякое защищеніе его фамиліи не отвратило отъ него несчастія. Онъ осужденъ былъ яко похититель. Родитель мой узнавъ, что я послѣдовалъ за нимъ въ Голландію, многократно писалъ ко мнѣ, что бы я возвратился во Францію. Я ни мало осужденъ не былъ въ судѣ, произведенномъ противъ моего друга, которой паче всего обвиненъ былъ письмами его, найденными въ кабинетѣ дѣвицы Дураццо. Наконецъ сколько ни просили меня оставшіеся пріятели во Франціи и нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ, что бы возвратиться въ отечество; однако я не хотѣлъ оставить С. Амана, предвидя, что ему въ чемъ нибудь полезенъ буду; и дѣйствительно въ семъ я не ошибся. Отецъ моего друга, раздраженъ будучи его побѣгомъ, не хотѣлъ помогать ему въ несчастіи. Онъ начиналъ уже сокрушаться о томъ, что мы, проживъ двадцать тысячь ливровъ, привезенныхъ изъ Франціи, которые Голландскою монетою составляли токмо десять, будемъ находиться въ крайней нуждѣ. Я не желая упрекать его въ такомъ дѣлѣ, котораго поправить уже не возможно было, старался утѣшать его по возможности Я промышлю довольно на всѣ потребы, говорилъ ему; и потому наши обстоятельства не

столь

столь худы, какъ ты себѣ воображаешь оныя. Когда ты не надѣяшься привесть въ жалость твоихъ родителей, такъ я напротивъ того увѣренъ, что мои не покинутъ меня въ нуждѣ. Я къ нимъ прибѣгну, когда надобность того потребуетъ.

С. Аманъ благодарилъ за сіе нѣжнѣйшимъ образомъ, называя меня стократно своимъ хранителемъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ бы былъ счастливъ, когда бы слѣдовалъ вовсемъ моимъ совѣтамъ; но нетерпящее притворства его сердце, не предпринимало тѣхъ осторожностей, которыя я во многихъ случаяхъ считалъ необходимо нужными, особливо же находясь въ чужой землѣ, и слѣдовательно не зная какими людьми окруженъ бываешь. С. Аманъ при перьвомъ свиданіи совершенно открывался. Вольное и искреннее слишкомъ его обхожденіе, не терпѣло разумной политики, которую онъ называлъ лицемѣрствомъ и обманомъ.

Въ одинъ день привелъ онъ въ домъ нашъ двухъ Французовъ, которыхъ представляя мнѣ говорилъ, что они весьма честные люди. Какъ мы остались на единѣ, то спрашивалъ я его, какимъ случаемъ познакомился онъ съ сими особами? О! я ихъ видѣлъ болѣе трехъ, или четырехъ разъ, и могу сказать, что они предорогіе люди, отвѣтствовалъ С. Аманъ. Не имѣешь

ли ты другаго доказательства ихъ честности, продолжалъ я? А какъ онъ мнѣ сказалъ, что болѣе никакого одобренія имъ сдѣлать не можетъ; то я ему совѣтовалъ убѣгать людей сего рода; понеже знакомство ихъ ничего добраго не обѣщаетъ. Я слыхалъ довольно, говорилъ ему, отъ такихъ людей, которые въ знаніи свѣта несравненно насъ искуснѣе, что нѣтъ ничего опаснѣе таскающихся по всѣмъ странамъ Французовъ, между которыми находится довольно истинныхъ рыцарей, живущихъ единою добычею, то есть имѣніемъ тѣхъ, коихъ имъ способнѣе обмануть удастся. Я одного съ тобою мнѣнія; отвѣтствовалъ С. Аманъ; и знаю, что не должно всему свѣту открываться; но что касается до сихъ Французовъ; то они отъ всѣхъ вашихъ рыцарей совсемъ въ отмѣнныхъ обстоятельствахъ находятся. Одинъ изъ оныхъ выѣхалъ изъ Парижа, не терпя оскорбленія чести своей, а другой не желая притѣсняемъ быть въ разсужденіи вѣры. Вотъ точно сказалъ я моему другу обыкновенные разсказы всѣхъ рыцарей въ Голландіи. Они оставя превеликія богатства и неизчетныя сокровища выѣхали изъ своего отечества, для учиненнаго имъ въ ономъ нѣкотораго малаго неудовольствія; но размотря нѣсколько, легко увидѣть можно, что тотъ, который

говоритъ, будто оставилъ отечество для вѣры, выгнанъ былъ изъ онаго по своимъ бездѣльствамъ.

Сколько я ни уговаривалъ моего друга, что бы онъ перервалъ сiе знакомство, однако всѣ мои совѣты были безполезны. И онъ заключилъ съ сими Французами весьма тѣсный союзъ дружества, въ которомъ скоро послѣ сего разкаялся.

Одинъ изъ сихъ мошенниковъ назывался Даматомъ и ушелъ изъ отечества для избѣжанiя справедливаго наказанiя за его безпорядки; другой наимяновавъ себя Кавалеромъ де Боже, сказывалъ, что онъ закололъ одного изъ роты черныхъ мускетеровъ, за учиненную себѣ обиду. Хотя онъ и въ самомъ дѣлѣ изъ хорошаго произходилъ дома, однако человѣкъ былъ ни къ чему негодный. Одна дѣвка, съ которою онъ къ пущему своему насчастiю познакомился подговорила его бѣжать изъ Парижа. Онъ не могъ ничѣмъ отъ сего отговориться, и будучи у командира своего ординарцомъ, увелъ казенную лошадь, которую и продалъ на первой почтѣ, гдѣ ожидаемъ былъ его любовницею.

Они немедлѣнно убѣжали въ Германiю; но въ Франкфуртѣ приличася въ воровствѣ, и выгнаны будучи изъ сего города, поѣхали въ Голландiю, къ моему и моего

друга несчастію. Болѣзнь, случившаяся мнѣ въ сіе время, совершила погибель С. Амана. Онъ предался совершенно симъ двумъ плутамъ, которые вознамѣрились его лишить всего имѣнія. Для удобнѣйшаго исполненія своихъ замысловъ употребили они хитрость, которую я по слабости моего здоровья не могъ предвидѣть. Они предложили моему другу и его супругѣ съѣздить въ Анверъ, славной Брабанской городъ. Она любя всякія веселости, перьвая уговаривала его къ сей прогулкѣ. Такимъ образомъ С. Аманъ отъ всѣхъ уговоренъ будучи, попрощался со мною дни на три, или на четыре Хотя и чувствовалъ я нѣкоторое тайное предвѣщаніе, что сія ѣзда будетъ для него пагубна, однако не смѣлъ отрицать такой вещи, которой онъ и его супруга весьма желали. Я согласился на всѣ его желанія, но притомъ не могъ воздержаться, что бы обнимая его въ послѣдніе не сказать слѣдующаго: можетъ быть, любезный другъ, тебѣ бы было лучше не ѣздить въ Анверъ. Успокойся, отвѣтствовалъ онъ мнѣ; мы конечно менѣе, нежели въ 10 дней возвратимся; но увы! въ какомъ состояніи увидѣлъ я его по возвращеніи. Помянутые два плута не доѣзжая еще Анвера принудили его отдать имъ всѣ деньги, которыя при немъ находились, такъ же золотые часы и драго-

драгоцѣнные камни. Мнимая жена кавалера де Боже, одна изъ первѣйшихъ мошенницъ въ свѣтѣ, была первымъ дѣйствующимъ лицемъ въ семъ грабительствѣ. Всего несноснѣе какъ для меня, такъ и для друга моего было то, что онъ долженъ былъ отдать все почти свое имѣніе безъ противорѣчія, и не могъ жалобы принесть на своихъ грабителей, опасаясь еще большаго нещастія. Во время побѣгу его изъ Парижа, родители дѣвицы Дураццо думая, что онъ остановится во Фландріи, писали посланнику нашему, находящемуся въ Брюкселѣ, который изходатайствовалъ у Эрцгерцогини позволеніе, нашедъ моего друга, отвести и съ супругою его, яко невольниковъ въ Францію. Мы узнали сіе находясь еще въ Голландіи чрезъ письмо одного нашего пріятеля изъ Парижа; но понеже сіе дѣло, такъ сказать, уже было забыто и С. Аманъ съ своею супругою ни кѣмъ не были знаемы въ Анверѣ, то они и не считали въ ономъ для себя никакой опасности. Не успѣли еще они прибыть въ сей городъ какъ два плута, его спутники, угрожали обѣявить объ немъ, ежели онъ не отдастъ имъ безпрекословно всего того, что при немъ ни было.

Онъ не имѣя чѣмъ возвратиться въ Голландію, писалъ ко мнѣ чрезъ почту о

 своемъ

своемъ печальномъ приключенiи. Я немедлѣнно посредствомъ одного банкера переслалъ ему нѣсколько денегъ. Возвратившись казался онъ столь печаленъ, что я стократно сожалѣлъ болѣе о его состоянiи, нежели о лишенiи денегъ, которыя хотя и довольную сумму составляли; понеже ограбили у него камней и прочихъ вещей болѣе, нежели на двѣ тысячи червонныхъ. Страхъ, причиненной супругѣ его симъ случаемъ и одно воображенiе возвратиться невольницей во Францiю, повергли ея въ опаснѣйшую болѣзнь. Сперьва надѣялись, что младость поможетъ ея выздоровленiю; но наконецъ въ такую она пришла слабость, что лѣкарь отчаялся со всемъ въ ея жизни.

Не возможно мнѣ, прекрасная Россалина, описать довольно отчаянiе моего друга. Онъ проливалъ цѣлые потоки слезъ, проклиналъ ту минуту, въ которую познакомился съ сими Французами; но всѣ стенанiя и вздохи не соблюли жизнь его супруги. Кончина ея привела его въ бѣшенство. Надлежало его оттаскивать отъ охладѣвшаго уже тѣла, которое онъ крѣпко держалъ въ своихъ объятiяхъ. Позволь, любезный Пренвиль, говорилъ онъ, умереть мнѣ возлѣ дражайшей моей Дураццо. Я, или лучше ослѣпленiе мое лишило ея жизни.

ни. Прости, любезная супруга; но вольное мое предъ тобою погрѣшеніе. Я его поправлю моею смертію и на вѣки совокуплюсь съ тобою.

Всѣ учиненные ему отъ меня совѣты были тщетны, и онъ около трехъ дней не принималъ никакого утѣшенія. Я находился такъ же въ крайнемъ унынiи, и ежели бы небо не подкрѣпляло меня особливою силою, желая сохранить жизнь мою для большихъ еще нещастiй, то я бы конечно не возсталъ отъ тягости первыхъ. Наконецъ С. Аманъ болѣе пришедъ въ слабость, нежели убѣжденъ моими наставленiями сдѣлался нѣсколько поспокойнѣе. Я не упустилъ сей минуты для возобновленiя его разсудка, говоря ему, что всѣ сокрушенiя напрасны и не въ состоянiи возвратить жизнь его супруги; что человѣку великодушному непристойно приходить въ отчаянность; и наконецъ сiи дружескiе выговоры произвели желаемое въ немъ дѣйствiе, и ежели я ему не возвратилъ спокойствiя, то по крайней мѣрѣ вывелъ разумъ его изъ заблужденiя. Я и С. Аманъ жили по семъ мѣсяца съ два въ Голландiи, и хотя онъ и слышать не хотѣлъ о своемъ отечествѣ; однако я надѣялся, что время истребитъ сiе отвращенiе и мнѣ удобно тогда будетъ уговорить его на

свои мысли. Я ему началъ въ одинъ день говорить о томъ; но онъ подумавъ нѣсколько сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что онъ уже давно твердое предпріялъ намѣреніе отъ свѣта удалиться. Я пришелъ въ отчаяніе, услыша, что мой другъ навсегда со мною разлучиться хочетъ, и заклиналъ его нашею дружбою и воспоминовеніемъ его супруги не принимать такого рода жизни, которой скоро ему наскучить можетъ. Ты управляемъ теперь единою печалію, говорилъ я ему, которая скрываетъ отъ глазъ твоихъ всѣ тягости, соединенныя съ монашествомъ, и ежели и въ семъ случаѣ въ противность моимъ совѣтамъ послѣдуешь первымъ движеніямъ твоего сердца, то вскорѣ о томъ раскаешься.

Не могши побѣдить твердости ея предпріятія, возвратился съ нимъ тайно во Францію. Прибывъ въ оную С. Аманъ не внимая послѣднихъ моихъ прозьбъ постригся. По пролитіи съ обѣихъ сторонъ довольныхъ слезъ, оставилъ я моего друга, отправясь въ Шампанію къ моимъ ближнимъ.

Хотя родитель мой и былъ противъ меня огорченъ нѣсколько, почитая дурачествомъ все то, что я дѣлалъ по долгу дружества; однако обрадовавшись увидя одинакаго своего сына, предалъ забвенію все про-

прошедшее, и токмо что понуждалъ меня вступить въ службу.

Болѣе года прошло уже какъ я разстался съ С. Аманомъ. Онъ писалъ ко мнѣ иногда письма, въ которыхъ хвалился всегда, что чувствуетъ безпрестанно сладость спокойствія душевнаго. Отсутствіе не привело въ слабость нашего дружества. Я принималъ искреннее участіе въ его благополучіи, и радовался, что онъ монахомъ учинился; понеже сіе токмо единое состояніе было для него счастливо. До вступленія моего въ службу хотѣлось мнѣ съ нимъ повидаться; но находясь уже во всей готовности къ нему ѣхать, получилъ я отъ него писмо слѣдующаго содержанія:

„Ежели ты, любезный Пренвиль, и теперь любишь меня такъ, какъ прежде, то конечно не отречешься подать мнѣ истиннаго доказательства твоей дружбы. Пріѣзжай посмотрѣть моего уединенія. Злобная судьба, которая всюды за мною слѣдуетъ, дѣлаетъ его мнѣ несноснымъ. Я теперь столько оное возненавидѣлъ, сколько возлюбилъ прежде. Почто не слѣдовалъ я твоимъ совѣтамъ; они сохранили бы меня самаго несноснѣйшаго состоянія въ свѣтѣ. Я уже готовъ смертію прекратить послѣднее мое несчастіе, и единая надежда тебя увидѣть и найти нѣкоторую по

мощь въ великодушномъ другѣ, остановляетъ взнесенную уже руку для окончанія моихъ горестей.,,

Прочитавъ сіе письмо удобно я примѣтилъ, что отвращеніе отъ уединенія, которое я предвѣщалъ С. Аману, было причиною новаго его несчастія. Чѣмъ пособить можно его бѣдствію? помышлялъ я. Онъ самъ вѣчныя на себя наложилъ оковы. Какимъ же образомъ могу я подать требуемую имъ помощь? Всѣ сіи размышленія не не возпрепятствовали мнѣ однако поспѣшить моимъ отъѣздомъ.

Я прибылъ въ монастырь прежде, нежели С. Аманъ меня ожидать могъ. Почто не слѣдовалъ я твоимъ совѣтамъ! вскричалъ онъ меня увидя. Я не былъ бы наизлополучнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Склонность, которую я прежде имѣлъ къ уединенію, совсемъ изчезла, а прелести свѣта представляются безпрестанно очамъ моимъ. Сладкое оныхъ воображеніе повергаетъ меня въ совершенное отчаяніе. Строгая жизнь, мною провождаемая тѣмъ болѣе меня удручаетъ, что я оную наблюдаю по неволѣ и что взираю на нее яко на вѣчное наказаніе, которому самъ себя подвергнулъ. На конецъ, продолжалъ онъ, я чувствую, любезный Пренвиль, что ежели ты не поможешь мнѣ избавиться сего не сноснаго состоянія,

що единая смерть прекратитъ всѣ мои несчастія. Въ тебѣ токмо питаю еще послѣднюю мою надежду. Съ того времени, какъ я монашеской чинъ принялъ, родители мои учинили наслѣдникомъ своимъ другаго сына. Я въ то время отрекся самъ отъ всѣхъ правъ, принадлежащихъ мнѣ по перворожденію, и потому не въ состояніи теперь возвратить оныхъ. Вотъ въ какую ужасную пучину бѣдствія моего погрузился. Увы! когда бы слѣдовалъ я твоимъ совѣтамъ, то бы всего сего избавился.

Я утѣшалъ друга моего всемъ, чѣмъ только возможно было. Единой путь остается еще къ твоему благополучію, говорилъ я. Надлежитъ получить отъ двора Папскаго разрѣшеніе клятвъ твоихъ: всѣ силы мои употреблены будутъ въ твою пользу, и я ласкаю себя надеждою исполнить все желаемое.

По окончаніи сихъ словъ С. Аманъ обнимая меня отъ радости проливалъ слезы. И такъ мнѣ еще возможно, сказалъ онъ, избавиться сего уединенія, которое я пуще самой смерти ненавижу. Я отвѣтствовалъ, что отъ меня всевозможныя старанія употреблены будутъ для твоего избавленія; а наконецъ взявъ отъ двухъ лѣкарей письменное свидѣтельство въ томъ,

 что

что слабость здоровья его не позволяетъ ему сносить строгостей монастырской жизни, отправился я въ Римъ.

Сія новая отлучка привела родителей моихъ въ отчаяніе и нарушила всѣ предпріемлемыя ими мѣры о опредѣленіи меня въ военную службу. Родитель писалъ ко мнѣ наистрожайшимъ образомъ, угрожая оставить меня вовсе и поступить со мною такимъ образомъ, что я долженъ буду вѣчно о томъ разкаиваться.

Сколь мнѣ ни горько было видѣть себя причиною неудовольствія моихъ родителей; однако я тѣмъ не ослабѣлъ въ стараніяхъ моихъ о полученіи разрѣшенія С. Аману, и былъ въ оныхъ столь удаченъ, что изходатайствовалъ все желаемое. Немедлѣнно по семъ послалъ я къ нему разрѣшительную Папскую грамоту, которая позволяла вступить въ свѣтъ паки, не покидая токмо монашеской одежды. С. Аманъ по полученіи оной отправился изъ Франціи въ Туринъ, гдѣ я назначилъ ему со мною видѣться, и я лишь токмо туда же хотѣлъ ѣхать, какъ васъ, прекрасная Россалина, увидѣлъ. Вашъ видъ неизцѣлимую причинивъ рану въ моемъ сердцѣ, удержалъ меня на всегда въ семъ мѣстѣ. Я послалъ письмо въ Туринъ къ одному банкеру съ тѣмъ, что бы онъ вручилъ его С. Аману котораго

усиль-

усильно просилъ пріѣхать ко мнѣ въ Генуу, обьявляя ему, что меня важныя причины удерживаютъ въ семъ городѣ.

Въ сіе почти самое время увѣдомился я отъ одного Француза, который меня узналъ въ семъ городѣ, что родитель мой увѣдомясь о мѣстѣ моего пребыванія, довелъ дѣло до того, что здѣшній Консулъ именемъ двора Французскаго требовалъ, чтобы я возвращенъ былъ моему отечеству. Надлежало по симъ обстоятельствамъ отсюда удалиться; но я не могши лишиться прелестныхъ очей вашихъ, вознамѣрился покрыть себя симъ одѣяніемъ, которое дѣлаетъ меня отъ всѣхъ подозрѣній свободнымъ. Вы видите, что я изрядно говорю по Италіански; и потому не опасаяся никогда, называю себя землякомъ вашимъ. Я убѣгаю такихъ собраній, гдѣ бы меня могли разсматривать; но видя жестокость ко мнѣ вашу, и повелѣніе убѣгать дражайшаго вашего присутствія, давно бы уже я отъѣхалъ во Францію, что бы тамъ прекратить жизнь мою въ печали, когда бы ежечасно не ожидалъ сюда С. Амана: но ахъ! прекрасная Россалина, продолжалъ Пренвиль, не уже ли вы никогда не смягчитесь? Не уже ли не разрѣшите меня никогда отъ несноснаго вашего повелѣнія? Не уже ли и послѣдней надежды меня лишите? Именемъ всего то-

го, что вамъ любезно въ свѣтѣ, прошу васъ не принуждать меня убѣгать вашего присутствія. Я не требую ни малѣйшей награды любви моей, не надѣюсь заслужить вашей склонности; но не могу ли я получить отъ васъ нѣкотораго обо мнѣ сожалѣнія? Или въ столь прекрасномъ тѣлѣ заключило небо самое нежалостное сердце? При стопахъ вашихъ, любезная Россалина, испущу духъ мой, ежели уста ваши подтвердятъ еще приговоръ моей смерти.

Трудно было столь нѣжному сердцу, каково имѣла Россалина, противиться такимъ сильнымъ выраженіямъ. Ваша ко мнѣ повѣренность, сказала она Пренвилю, требуетъ, что бы я вамъ тою же монетою за нее заплатила. Вы увидите, что мои несчастія превозходятъ можетъ быть ваши. Она разсказала ему потомъ, какимъ образомъ взята была изъ монастыря, какъ лишилась старуки, и наконецъ въ какую неизвѣстность погрузилась ея смертію. Теперь разсуждайте вы, продолжала Россалина, должна ли я открыть сердце мое нѣжнымъ чувствіямъ, находясь безъ родственниковъ и безъ всякаго пристанища, выключая одной пріятельницы? Но хотя бы я и соотвѣтствовала вашей склонности, такъ почему вѣдать, что мать, или отецъ,

которыхъ мнѣ счастіе даровать можетъ, не возпрепятствуютъ моей страсти, и такъ развѣ для того не сопротивляться теперь вашимъ чувствіямъ, что бы послѣ учинить себя и васъ тѣмъ злополучнѣе? Можетъ ли быть для меня что бѣдственнѣе, какъ лишиться и послѣдней надежды? отвѣтствовалъ Пренвиль. Ежели родители ваши возпротивятся нашей страсти, то я съ помощію моихъ, могу имѣть такое состояніе, что участь моей супруги будетъ не самая послѣдняя; но ваше безпристрастіе, или лучше ваша ко мнѣ ненависть, изъискиваетъ отдаленные предлоги для прикрытія жестокаго мнѣ отказа. Можетъ быть, что вы не будете болѣе обезпокоены несноснымъ моимъ для васъ присутствіемъ? Увы! сколь дорого заплачу я за сіе свиданіе, которымъ хотя и единому слѣпому случаю обязанъ! вижу наконецъ, что искренняя моя къ вамъ горячность лютѣйшую смерть будетъ имѣть воздаяніемъ. Оставайтесь, немилосердая Россалина; я чувствую, что всѣ слова мои вамъ въ тягость, и иду прекратить жизнь, которую почитаю для себя несноснымъ бременемъ, и которая по сіе время была токмо безпрерывная цепь моихъ несчастій.

По окончаніи сихъ словъ Пренвиль хотѣлъ было выти изъ бесѣдки. Постойте,

те, сказала Россалина, или не можете вы меня забыть, не прерывая дней вашихъ? Увы! почто я васъ увидѣла. Признаюсь наконецъ, любезный Пренвиль, хотя и противъ воли моей, что я противъ васъ неравнодушна, и чѣмъ болѣе старалась забыть ваши достоинства, тѣмъ тверже оныя въ сердце моемъ вкоренялись. Оно не могши продолжать притворства своего открываетъ вамъ сію тайну. Но тѣмъ участь ваша не перемѣнится ни мало; понеже долгъ и честь повелѣваютъ мнѣ удаляться вашего присутствія. Они такъ же возбраняли мнѣ внимать и увѣренія о вашей нѣжности; однако сожалѣніе, произведенное во мнѣ повѣствованіемъ вашихъ бѣдствій, одержало верьхъ надъ моимъ мужествомъ. Теперь вы видите, что судьба соединивъ сердца наши, положила между оными непреоборимую препону; и такъ намъ остается токмо удалясь другъ отъ друга приносить жалобы на суровость оной. Оставайтесь, Пренвиль, я можетъ быть болѣе васъ не увижу, а вы предавъ меня забвенію, токмо иногда вспомните, что я раздѣляю съ вами ваши несчастія, и можетъ быть восто кратъ васъ злополучнѣе.

Пренвиль хотѣлъ было на сіе отвѣтствовать; но Россалина, не внимая словъ его вышла изъ бесѣдки и не медля

въ

вЪ саду ни мало возвратилась вЪ домЪ г. БурсетЪ. ЛюбовникЪ ея оставшись вЪ совершенномЪ невѣденіи, не зналЪ почитать ли себя счастливымЪ, или нѣтЪ. Я услышалЪ, гогорилЪ онЪ, что меня не ненавидятЪ; но при всемЪ томЪ повелѣваютЪ убѣгать того предмета, для котораго я живу на свѣтѣ. Жестокая судьба! ты дѣлаешь меня попеременно примѣромЪ то несчастнаго друга, то безЪ пользы почти стенящаго любовника; и уже ли никогда не прекратишь своего гоненія? Но наконецЪ продолжалЪ онЪ, мнѣ еще возможно надѣяться преодолѣть всѣ препятствія; понеже я Россалинѣ не противенЪ. Величайшая препона уже опровергнута. Мое постоянство преклонитЪ, можетЪ быть, на мою сторону и самое счастіе. Оно уже начало мнѣ оказывать свои благодѣянія, даровавЪ свиданіе сЪ прекрасною Россалиною, а притомЪ открывЪ такую тайну, о которой бы безЪ него я во всю мою жизнь не вѣдалЪ.

Пренвиль наполненЪ будучи сими утѣшительными размышленіями, принялЪ намѣреніе не удаляться отЪ своей любовницы и не раздражая ее стараться изыскивать всѣ случаи ея видѣть. Между тѣмЪ ежедневно ожидалЪ отЪ С. Амана, которому надлежало уже быть вЪ Туридѣ, и не получая обЪ немЪ никакого извѣстія, началЪ было

приходить

приходитъ въ нетерпѣливость: но два, или три дни спустя послѣ свиданія съ Россалиною, къ великому своему утѣшенію увидѣлъ его въ Генуѣ.

Въ перьвые часы радости Пренвиль позабылъ было свое несчастіе, и не о чемъ не помышлялъ болѣе, кромѣ С. Амана. Когда начальныя движенія взаимнаго ихъ удовольствія нѣсколько утишились; то Пренвиль, совѣтуя другу своему, что бы онъ впредь лучше умѣлъ себя воздерживать, говорилъ такъ: когда ты слѣпо слѣдуешь твоимъ мнѣніямъ, то страсти безпрепятственно покорлютъ тебя подъ власть свою. Во многихъ случаяхъ, любезный С. Аманъ, ты долженъ не довѣрять и самому себѣ. Я не хотѣлъ упоминать о семъ прежде изходатайствованія тебѣ изъ монастыря свободы, въ то время слова мои токмо бы тебя болѣе огорчили; но ты и безъ сего сожалѣнія былъ достоинъ. Теперь понеже ты находишься уже внѣ той пропасти, въ которую самовольно погрузился, то не оскорбляйся тѣмъ, что мое дружество изчисляетъ всѣ бѣдствія, случившіяся тебѣ отъ собственнаго твоего легкомыслія. Увы! продолжалъ Пренвиль, можетъ быть я самъ примѣромъ служу въ тѣхъ слабостяхъ, отъ которыхъ убѣгать тебѣ совѣтую. Такъ, любезной С. Аманъ, я уже не тотъ,

какимъ ты меня зналъ прежде. Сердце мое, непричастное напредъ сего никакимъ слабостямъ весьма перемѣнилось. Я нынѣ не менѣе твоего въ любви чувствителенъ, а ежели и не дошелъ еще до послѣдней крайности, то за сіе обязанъ не собственному моему воздержанію, или разсужденію, но благоразумію, скромности и тихому повѣденію той особы, которая плѣнила мою душу. Осуждай меня любезный С. Аманъ, или сожалѣй обо мнѣ паче. Я противоборствовалъ всею силою моей страсти; но она, овладѣвъ моимъ разсудкомъ, влекла его въ оковахъ за собою, а защищеніе, имъ чинимое, лишь только совершеннѣе учинило побѣду Россалины. Такъ называется та особа, продолжалъ Пренвиль, въ оковахъ которой я страдаю. Знаю довольно, что любовь слабостію должна почесться; но понеже оной всею силою я противился, то тѣмъ достоинъ нѣкотораго снисхожденія.

С. Аманъ не могъ осуждать своего друга; понеже и самъ подвластенъ былъ тѣмъ же самымъ слабостямъ. Онъ зналъ, что всѣхъ его дурачествъ причиною были женщины; и потому не имѣлъ права потушить и подъ страстію своего друга. Почто, любезный Пренвиль, говорилъ онъ, упрекаешь ты себя въ томъ, что любишь

осо-

особу любви достойную? Развѣ нѣжность преступленіемъ почесться можетъ? Или думаешь, что ты долженъ болѣе имѣть твердости, нежели весь родъ смертныхъ? Вмѣсто сокрушенія твоего, что находишься въ оковахъ Россалины, старайся паче быть счастливымъ. Любовь тѣхъ только дѣлаетъ злополучными, которые нетерпимы; но любовникъ, любимый взаимно, колико бы препонъ не имѣлъ къ своему счастію, однако несчастнымъ назвать себя не можетъ. Позволь спросить себя, продолжалъ С. Аманъ, благосклонно ли приняты увѣренія о твоей горячности? Имѣешь ли надежду, которая бы тебя ласкала; и наконецъ вѣдаешь ли, что любовница твоя къ тебѣ наравнодушна? Тогда Пренвиль открылъ ему всѣ свои обстоятельства, не умалчивая такъ же и о разговорѣ его въ бесѣдкѣ съ Россалиною. Ежели не ошибаюсь, отвѣтствовалъ С. Аманъ, то кажется изъ всего мною слышаннаго, что ты любимъ стократно, а по благороднымъ мнѣніямъ твоей любовницы надлежитъ заключить, что она произхожденія не подлаго. Но наконецъ какъ бы то ни было, ежели она не рождена благородною, такъ по крайней мѣрѣ достойна быть оною, и ежели бы я былъ на твоемъ мѣстѣ и любилъ бы также страстно, какъ и ты, то бы сіи препятствія

ни

ни мало меня не остановили.

Сей разговоръ привелъ въ смѣхъ Пренвиля. По сему скорому и рѣшительному совѣту говорилъ онъ своему другу: я тебя познаю совершенно; ты почти ни очемъ не тревожился, когда имѣлъ намѣреніе увести дѣвицу Дураццо; но помысли о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ ты себя чрезъ сіе подвергнулъ. Ежели токмо себѣ представишь, что не благоразумная страсть влечетъ за собою, то конечно не будешь осуждать моихъ размышленій, которыя однако не токмо не изцѣляютъ моей скорби, но паче оную усугубляютъ. Я довольно чувствую, что любовь сильно мною овладѣла, что всѣ старанія мои къ истребленію ея тщетны; и для того твердо вознамѣрился по тѣхъ поръ не удаляться отъ Россалины, пока вовсе не потеряю надежды обладать оною. Можетъ быть судьба смягчится, взирая на мою твердость и постоянство. Я одного съ тобою мнѣнія, отвѣтствовалъ С. Аманъ, и за нѣсколько дней предъ симъ видѣлъ убѣдительной примѣръ суровости, а потомъ ея благопріятства которой состоитъ въ слѣдующемъ.

ПОВѢСТЬ ДѢВИЦЫ ДЕ С. ЖИЛЬ И ГРАФА ДЕ МИРМОНЪ.

По прибытіи моемъ въ Ліонъ, видя себя на свободѣ, и также уповая вскорѣ соединиться съ тобою, чувствовалъ я неописанное удовольствіе, которое возвратило мнѣ всю прежнюю веселость духа. Я хаживалъ часто въ оперу съ однимъ изряднымъ человѣкомъ, съ которымъ во время моего путешествія познакомился, и которому до самаго Турина ѣхать со мною надлежало. Нѣкогда примѣтилъ я въ ложѣ одну женщину пріятнаго вида и въ величайшемъ притомъ нарядѣ. Я спрашивалъ у своего товарища, которой довольно людей зналъ въ Ліонѣ, какъ называется сія прекрасная особа. Она здѣсь чужестранка, отвѣтствовалъ онъ, а родилась такъ какъ и я въ Дижонѣ; и по сему то я извѣстенъ о ея состояніи. Счастіе и любовь привели ее въ здѣшней городъ, и сколь она молода ни кажется, однако уже столь великія несчастія испытала, которыхъ бы иной не могъ понести столь великодушно. Не видите ли вы, продолжалъ онъ, того молодаго человѣка, которой стоитъ прямо позади оной. Онъ ея супругъ, потерявшій болѣе ста тысячь червонныхъ для полученія сего титла. Имя его Графъ де Мир-

Мирмонъ. Съ самаго нѣжнаго юношества почувствовалъ онъ сильную любовь къ дѣвицѣ де С. Жиль, коя есть причина любопытства вашего. Родители его, имѣвъ великое богатство, считали себѣ за долгъ сопротивляться заблаговременно такой страсти, которая не соотвѣтствовала ни мало ихъ намѣреніямъ. Они хотѣли было женить его на богатой наслѣдницѣ, которая никакого иного достоинства не имѣла, кромѣ своего богатства, и при всемъ безобразіи была угрюма, вздорлива и гордѣлива до крайности. На противъ сего графъ былъ тихъ, пріятенъ, учтивъ и весьма разуменъ. Такое несогласіе свойствъ его съ невѣстою вселило въ него непобѣдимую къ ней ненависть, а пріязнь къ дѣвицѣ де С. Жиль тѣмъ паче усугубило. Онъ видался съ нею ежедневно, не взирая на всѣ строгія запрещенія его родителей, которые угрожали поступить съ нимъ весьма не милосердо, ежели онъ отречется взять въ супружество упомянутую наслѣдницу, которая досадуя съ своей стороны на графа Мирмона за то, что онъ отдавалъ предъ нею преимущество дѣвицѣ де С. Жиль, понуждала также родителей его къ учиненію ему насилія. Старый дядя, отъ котораго ожидалъ онъ въ наслѣдство болѣе ста ты-

сячь червонныхъ, паче всѣхъ старался разлучить его съ любовницей.

Наконецъ по многимъ безпокойствамъ увидѣлъ Графъ, что ему единое токмо средство оставалось къ избавленію себя отъ безпрестанныхъ докукъ его родителей; то есть удалиться въ Италію по тѣхъ поръ, пока они перемѣнятъ намѣренія свои въ разсужденіи его брака. Онъ твердо полагаяся на постоянство своей любовницы, увѣренъ былъ довольно, что отсутствіе не изтребитъ его изъ ея сердца. Нѣкогда открылъ онъ ей сіе предпріятіе: я знаю, говорилъ графъ, что намѣреніе мое покажется вамъ странно; знаю такъ же, что оно вамъ будетъ непріятно, понеже имѣетъ разлучить насъ на нѣкоторое время: но представте себѣ токмо, что мнѣ единое сіе средство остается избавиться несноснаго союза съ дѣвицею Тюрентинъ (такъ называлась упоминаемая прежде богатая наслѣдница). Пока я въ семъ мѣстѣ пребываю, то она хотя изъ мщенія, хотя изъ тщеславія, хотя наконецъ изъ своенравія стараться будетъ обратить на себя взоръ моихъ родителей, и всѣ другія ей предложенія презритъ. Какъ же скоро я внѣ отечества находиться буду; то она перемѣнитъ свои мысли. Ея ко мнѣ пріязнь, или лучше сказать тщеславіе,

толи-

толико власти надъ нею не имѣютъ, что бы могли принудить ее ожидать моего возвращенія, которое будетъ совсемъ неизвѣстно; какъ же скоро она выдетъ за мужъ, то ничто болѣе не будетъ препятствовать нашему благополучію; и ежели бы не прельщало родителей моихъ неизчетное ея богатство, то бы они давно уже согласились на наше бракосочетаніе.

Но съ какимъ трудомъ надлежитъ мнѣ сносить твое отсутствіе? отвѣтствовала дѣвица де Жиль. Единое воображеніе онаго въ смертельную тоску меня ввергаетъ. Не можешь ли ты изобрѣсти другихъ средствъ, которыя бы стоили мнѣ менѣе слезъ и огорченія? Не можно ли преодолѣть препятствій къ нашему благополучію, не удаляясь на край свѣта? Единое сіе средство намъ осталось, сказалъ графъ; наше благополучіе зависитъ отъ бракосочетанія дѣвицы Тюрентинъ, а оное по тѣхъ поръ не воспослѣдуетъ, пока неизвѣстное мое отсутствіе ее къ тому не принудитъ.

Графъ де Мирмонъ уговаривалъ наконецъ любовницу свою согласиться на его отбытіе. Никто не свѣдомъ былъ въ Дижонѣ о семъ предпріятіи, а родственники его услышавъ чрезъ нѣсколько дней, что онъ находится уже въ Туринѣ, пришли

въ неописанное удивленіе Родитель онаго, къ которому писалъ онъ, какъ токмо горы Алпійскіе проѣхалъ, употребилъ повелѣніе и прозьбу, что бы его возвратить въ отечество, однако тщетно.

Между тѣмъ дѣвица Тюрентинъ легко поняла намѣреніе графа, которое тѣмъ паче увеличило ненависть ея къ своей соперницѣ; а что бы уничтожить хитрость графа де Мирмонъ, готова она была остаться еще десять лѣтъ дѣвкою, и сносить хотя величайшую отъ того скуку; однако девицу де С. Жиль не допустить соединиться съ ея любовникомъ. Нѣжность, любовь и постоянство, ни малаго не имѣли участія въ семъ предпріемлемомъ терпѣніи; но единое мщеніе производило оное, какъ то и оказалось въ послѣдованіи.

Когда надлежало думать, что предпріятіе графа совсемъ опровергнуто, то на противъ того счастіе ему весьма благопріятствовало, и одинъ нечаянный случай, который было привелъ его ко вратамъ смерти, возвелъ онаго наконецъ на верьхъ благополучія. Онъ поѣхалъ изъ Турина въ Медіоланъ, и въ одинъ день прогуливался по лѣску, не очень удаленному отъ сего города. Размышленія о дражайшей любовницѣ нечувствительно завели его въ самый отдален-

ленный край того небольшаго лѣса, гдѣ вдругъ услышалъ онъ голосъ одной женщины, которая просила помощи. Обнаживъ шпагу побѣжалъ онъ не мѣшкавъ на то мѣсто, откуда произходилъ крикъ сей, и пробираясь по лѣсу нѣсколько минутъ, увидѣлъ одного мужчину, требующаго силою благосклонности отъ молодой женщины, которая защищалась отъ него сколько малыя ея силы дозволяли. Постой мерзской, закричалъ графъ, или я тебя лишу жизни, и тѣмъ избавлю свѣтъ отъ такого чудовища. Не употребляя самаго дѣйствія, одних угрозъ графа де Мирмонъ довольно было. Лишь только бездѣльникъ сей его увидѣлъ, то наипоспѣшнѣйшимъ образомъ въ бѣгъ обратился, и казалось, что страхъ приставилъ ему крылья, которыя его мгновенно унесли изъ виду.

Молодая женщина, которую графъ свободилъ отъ насилія, упавъ къ его ногамъ, обнимала оныя. Онъ ее тотъ часъ поднялъ и успокоивъ нѣсколько ея смущеніе спрашивалъ о имени того, который сдѣлалъ покушеніе на честь ея. Увы! говорила она, онъ тотъ, котораго я смертельно ненавижу, но котораго погубить честь моя мнѣ возбраняетъ. Сей тигръ, изъ челюстей котораго вы меня изхитили, есть мой дядя и опекунъ; но всего ужаснѣе для меня

то, что онъ священникъ, долженствующій быть примѣромъ добродѣтели. Я воспитана весьма старательно въ одномъ монастырѣ, которой въ началѣ прошедшаго мѣсяца оставила. Онъ взялъ меня изъ онаго подъ видомъ старанія о моемъ бракосочетаніи. Во время пребыванія моего въ его домѣ, я не могла ни мало примѣтить коварныхъ его предпріятій. Правда, онъ оказывалъ мнѣ много ласки, обнимая меня часто наинѣжнѣйшимъ образомъ; но я думала, что онъ дѣлаетъ все сіе безъ всякаго злаго помысла, но яко дядя племянницѣ. Сего дня предложилъ онъ мнѣ ѣхать дня на два въ загородной нашъ домъ, отстоящій на четверть мили отъ города, или меньше. Лишь только въѣхали мы въ средину сего лѣса, то объявилъ онъ свое намѣреніе, обѣщая подарить мнѣ богатое платье и сыскать вскорѣ хорошаго жениха. Въ удивленіи, а болѣе въ страхѣ, упавъ къ ногамъ его просила я, что бы онъ помыслилъ о томъ прегрѣшеніи, которое учинить былъ намѣренъ: но слезы мои и воздыханія лишь токмо понудили его поспѣшить своимъ злодѣяніямъ. Онъ пріуготовился силою отъ меня получить то, къ чему я ему добровольно отказала; но милосердое небо ниспослало васъ къ защищенію моей невинности.

Сле-

Слезы, изобильно проливаемыя сею молодою особою, привели въ крайнее соболѣзнованіе графа де Мирмонъ, рожденнаго съ нѣжнымъ и жалостливымъ сердцемъ. Онъ спрашивалъ ее, какое она имѣетъ намѣреніе въ сихъ обстоятельствахъ, и въ чемъ онъ можетъ ей быть полезенъ? Я прошу васъ, говорила она, отвести меня въ тотъ монастырь, откуда я взята недавно моимъ дядею. Никакое другое мѣсто не можетъ меня скрыть отъ нападковъ онаго. Между тѣмъ наиболѣе всего прошу васъ не объявлять никому сего страннаго приключенія, которое ежели учинится извѣстнымъ въ семъ городѣ, то я погибла безъ возврату. Столь горестно мое состояніе, продолжала она, что я должна сберегать величайшаго моего гонителя, котораго стыдъ и поношеніе, чего онъ по справедливости достоинъ, на меня обратятся непремѣнно.

Графъ де Мирмонъ обѣщалъ сохранить сіе произшествіе въ тайнѣ. Немедлѣнно по семъ проводилъ онъ сію дѣвицу до воротъ желаемаго ею монастыря, при которыхъ она повторивъ ему свою прозьбу и благодарность, оставила его, не объявляя ему ни о имени, ни о состояніи своемъ. Въ восемь дней послѣ сего графъ ни единаго слова не слыхалъ о семъ при-

ключенiи, и думалъ, что оно тѣмъ токмо и кончилось. Въ одинъ день, какъ онъ въ 10 часовъ вечера возвращался въ домъ свой; напали на него три разбойника, которые не давъ ему время подумать о своемъ защищенiи, пистолетнымъ выстрѣломъ повергли его на землю яко мертва. Они дѣйствительно думали, что онъ лишился жизни и не медля ни мало по семъ скрылись.

Съ полчаса послѣ сего графъ де Мирмонъ безъ чувствiя лежалъ на улицѣ. Одинъ Медiоланской дворянинъ, увидѣвъ его мимоходомъ, созвалъ людей для подаянiя ему помощи. Пришедъ въ чувство, просилъ онъ, что бы объявить о семъ приключенiи кому нибудь изъ его служителей. Комнатный его слуга прибѣжалъ всѣхъ скорѣе, и соболѣзнуя о его несчастiи, поспѣшалъ перенести его въ свой домъ. Лѣкарь осмотрѣвъ его рану сказалъ, что она не смертельна. Въ самомъ дѣлѣ спустя три, или четыре дни послѣ сего обнадежилъ онъ, что уже ни малаго нѣтъ сумнѣнiя о скоромъ выздоровленiи графа.

Между тѣмъ по всему Медiолану распространился слухъ, что одного Французскаго дворянина застрѣлили. Графъ для споспѣшествованiя главному своему намѣренiю вздумалъ воспользоваться сею народною молвою. Онъ отправилъ своего служителя, на вѣрность котораго могъ положиться,

ся, по почтѣ въ Дижонъ, съ такимъ извѣстіемъ, что будто убили его господина, подъ именемъ Французскаго дворянина. Но чтобъ не подать никому ни малѣйшаго сумнѣнія о сей вѣсти, то графъ разсудилъ за благо оставить любовницу свою въ общемъ заблужденіи. Ея слезы и отчаяніе паче всего удостовѣрили общество о справедливости сего слуха: но что касается до дѣвицы Тюрентинъ, то она умѣла себя вскорѣ утѣшить. Лишь только тщеславіе и ревность перестали подкрѣплять ея терпѣніе, то она не умедля и вышла за одного дворянина изъ Франшконте, человѣка весьма богатаго, но менѣе любви достойнаго, нежели графъ де Мирмонъ. Онъ лишь только увѣдомился о семъ отъ своего служителя, которой ему объявилъ все то, что въ Дижонѣ ни происходило, то безъ всякаго отлагательства оставивъ Медіоланъ возвратился въ свое отечество. Девица де С. Жиль пришедъ въ отчаяніе о потеряніи своего любовника, вознамѣрилась заключась въ монастырь во всю свою жизнь оплакивать его кончину; и потому самое малѣйшее медлѣніе въ семъ случаѣ могло бы лишить графа всѣхъ плодовъ его хитрости. Онъ прибылъ въ Дижонъ къ неописанной радости нѣжной любовницы и отягченныхъ печа-

чалію родителей, которые обрадовавшись его увидя, охотно обманъ онаго ему простили. Послѣ сего сочетался графъ съ своею любовницею съ согласія непреклонныхъ на сіе прежде его родителей и всѣхъ родственниковъ, выключая одного стараго дяди, который крѣпко досадуя, что не удалось ему женить племянника по своему желанію, лишилъ его наслѣдства, состоящаго во стѣ тысячахъ червонныхъ, которые къ совершенному удовлетворенію своего своенравія и отдалъ тому дворянину, котораго дѣвица Тюренштинъ избрала своимъ супругомъ.

Графъ нечувствителенъ былъ къ сей потерѣ, понеже обладаніе его любезною довольно награждало оную. Наконецъ любовь изобильно одарила его за всѣ претерпѣнныя имъ несчастія. Графиня де Мирмонъ вскорѣ послѣ своего бракосочетанія получила весьма знатное наслѣдство, котораго она совсемъ не ожидала. Съ мѣсяцъ тому какъ она пріѣхала въ сей городъ для полученія онаго, купно съ своимъ супругомъ, которой оставляетъ ее весьма рѣдко, и можно сказать ежечасно усугубляетъ къ ней горячность свою и почтеніе.

Кажется, говорилъ Пренвиль, что счастіе утѣшаетъ себя нѣкоторымъ гоненіемъ

ніемъ тѣхъ, которыхъ желаетъ послѣ одарить обильно своими благодѣяніями. Сіе то самое, продолжалъ онъ, подаетъ мнѣ теперь нѣкоторой лучь надежды, и можетъ статься, что всѣ мои несчастія со временемъ окончатся. Не сумнѣвайся въ томъ, отвѣтствовалъ С. Аманъ: трудное начало ведетъ почти всегда къ счастливому концу, а удачное на противъ того влечетъ иногда за собою непреоборимыя препятствія. Всякой смертной обязанъ заплатить нѣкоторую дань злой судьбинѣ. Счастливы тѣ, которые изключаются отъ сей подати. Я самъ могу служить въ примѣръ такимъ, которые бываютъ въ началѣ своего предпріятія удачны, а подъ конецъ онаго злосчастны. Я имѣлъ всѣ удобности при увезеніи любезной моей Дуроццо изъ Парижа: но какихъ бѣдствій и какихъ ударовъ отъ судьбы не претерпѣлъ я въ послѣдованіи! Утѣшься, любезный другъ, говорилъ С. Аманъ, и будь увѣренъ, что твое постоянство смягчитъ суровость рока. Вѣрю всему тому, что ты сказываешь, отвѣтствовалъ Пренвиль, и что бы наконецъ со мною ни случилось, я вознамѣрился не удаляться отъ Россалины до тѣхъ поръ, пока не узнаю совершенно моей судьбины.

Въ то время, какъ сіи два друга размышляли о удачѣ своихъ предпріятій, Россалина безпрестанно тревожилась воспоминаніемъ своего любовника. Его образъ всюды за нею слѣдовалъ, и она не находила средства къ изтребленію его изъ своего сердца. Пренвиль, клянущійся въ бесѣдкѣ ненарушимою до гроба вѣрностію, мечтался ежеминутно ея мыслямъ. Увы! говорила она, когда истинно онъ меня любитъ; то какимъ же безчеловѣчнымъ образомъ награждаю я его вѣрность, повѣлевая ему убѣгать моего взора? Суровый долгъ! несносная благопристойность! колико терзаете вы мое сердце? Позвольтежъ мнѣ хотя наконецъ послѣдовать той страсти, которая меня влечетъ насильно, или подайте довольно твердости къ защищенію себя противъ оной.

Въ восемь дней Россалина ни на минуту не могла успокоиться. Г. Бурсетъ хотя и примѣтила ея смущеніе; но она приписывала его нетерпѣливости получить изъ Венеціи извѣстіе. Ей и въ мысль не приходило того, что бы любовь была причиною новаго несчастія ея пріятельницы. Наконецъ монахини отвѣтствовали на тѣ письма, которыя писала къ нимъ г. Бурсетъ и Россалина. Въ оныхъ объявляли онѣ, что многія неизвѣстныя особы при-

хо-

ходили въ монастырь освѣдомляться о той дѣвицѣ, которая препоручена была ихъ пишомству; но онѣ не вѣдая куда старуха повезла Россалину, и не получивъ еще письма ея, не могли имъ никакого объ ней подать извѣстія; и наконецъ понеже сіи особы по полученіи сего письма въ монастырь не казались, то изъ сего заключить должно, что они не находятся уже болѣе въ Венеціи. Къ сему присовокупили и то, что ихъ усильно просили, ежели имъ случится получить какое нибудь извѣстіе о Россалинѣ; то бы писали онѣ въ Медіоланъ по извѣстной надписи, которую при семъ письмѣ и прислали. Письмо отъ монахинь укротило нѣсколько смущеніе Россалины. Она получила чрезъ оное хотя слабую надежду къ узнанію своихъ родителей; но чтобъ нерадѣніемъ и медлѣнностію не потерять сего дражайшаго времени, то она сама хотѣла ѣхать въ Медіоланъ, и тамъ переговорить съ тою особою, на имя которой надпись была оставлена. Можетъ быть, говорила она г Бурсетъ, тѣ самые, которые принимаютъ участіе въ моей судьбинѣ, суть истинные мои родители? Старуха, взявшая меня изъ монастыря, многократно упоминала, что я родилась въ Медіоланѣ. Не упустимъ сего случая, для открытія

сей

сей для меня столь важной тайны, продолжала она. Всегдашніе опыты вашей ко мнѣ пріязни удостовѣряютъ меня въ томъ, что вы и нынѣ не отречетесь подать всякое возможное вспомоществованіе, и я не сумнѣваюсь, что вы согласитесь со мною сѣздить въ Медіоланъ. Кромѣ васъ нѣтъ для меня во всей вселенной никого такого, которой бы въ подобномъ случаѣ не оставилъ меня своею помощію. Г. Бурсетъ нѣжно обнявъ свою пріятельницу говорила ей: вы можете по вашему желанію разполагать всѣмъ тѣмъ, что я имѣю, да и самою мною. Лишь только вы скажите, то я готова для васъ все исполнить. Ежели соглашаетесь вы, любезная благодѣтельница, отвѣтствовала Россалина, проводить меня въ Медіоланъ, то чѣмъ скорѣе мы выѣдемъ отсюда, тѣмъ для меня будетъ полезнѣе. Не упустимъ сего благопріятнаго случая, который счастіе мнѣ даруетъ. Статься можетъ, что и малѣйшее медлѣніе погрузитъ меня въ вѣчное несчастіе. Ежели бы наши письма нѣсколько дней прежде пришли въ Венецію, то бы я теперь извѣстна уже была о своей судьбинѣ.

Я соглашаюсь на все то, что вамъ угодно, сказала г. Бурсетъ, и на самомъ разсвѣтѣ слѣдующаго дня выѣдемъ изъ города

рода. Наипоспѣшнѣйшимъ образомъ все приготовлено было къ отъѣзду нашему, и назавтрее лишь только ворота городскія отворены были, то мы и выѣхали изъ Генуи.

Счастіе или лучше сказать любовь, стараясь о соблюденіи здравія Россалины, вселила въ Пренвиля желаніе провѣдать о ея состояніи. Но какъ онъ не смѣлъ болѣе казаться въ домѣ Г. Бурсетъ, то просилъ друга своего, которой, незнакомъ былъ въ ономъ, чтобы сей, подъ видомъ покупки нѣкоторыхъ товаровъ, освѣдомился о здравіи Россалины. Болѣе всего опасался Пренвиль, чтобы безпрестанныя безпокойства не приключили ей какой ни есть опасной болѣзни. Около недѣли не видалъ онъ и въ церквѣ Россалины, куда она обыкновенно всегда хаживала. Сіе привело его паче всего въ трепетъ; понеже женщины въ Италіи развѣ для самыхъ важныхъ причинъ пропускаютъ какое богомоленіе; и хотя въ самой вещи Италіанки небогодохновеннѣе Французжановъ, но наружность святости первыя болѣе послѣднихъ наблюдаютъ.

С. Аманъ прекратилъ безпокойство своего друга, увѣдомивъ его, что Россалина съ госпожею Бурсетъ поутру того дня поѣхали въ Медіоланъ, а супругъ ея по письму графини Доріи отъѣхалъ на нѣ-

сколько дней вѣ ея деревню; и что все сіе узналѣ онѣ отѣ того служителя, который оставленѣ былѣ единымѣ охранителемѣ дома г. Бурсета.

Пренвиль услыша сіе извѣстіе и недолго размышляя, вознамѣрился слѣдовать за любезною своею Россалиною, и перемѣнивѣ пелигримскую одежду, отправился сѣ своимѣ другомѣ немедлѣнно вѣ Медіоланѣ. Они весьма скоро нагнали коляску г. Бурсетѣ; но вѣ какое бѣшенство пришелѣ Пренвиль, когда онѣ находяся не болѣе ста шаговѣ отѣ своей любовницы; увидѣлѣ трехѣ разбойниковѣ, которые напавѣ на нее и г. Бурсетѣ принуждали ихѣ сдаться. Онѣ, можно сказать, лѣтѣлѣ, а не бѣжалѣ имѣ на помощь, вспомоществуемѣ будучи С. Амаромѣ повергѣ на землю двухѣ мошенниковѣ которые столь сильнаго нападенія на себя не ожидали; третій же спасся бѣгствомѣ, оставя непріятелямѣ двухѣ своихѣ товарищей, изѣ которыхѣ одинѣ убитѣ пистолетнымѣ выстрѣломѣ, а другой на вылетѣ прокололѣ шпагою. Они находились уже при послѣднемѣ издыханіи, какѣ Россалина и г. Бурсетѣ освободясь отѣ своего сумненія, узнали вѣ избавителѣ своемѣ Пренвиля.

Великодушный Французѣ! вскричала г. Бурсетѣ, какою услугою и какою благодарно-

дарностію могу я довольно заплатить вамъ за оказанное мнѣ благодѣяніе? Я вамъ обязана моею жизнію, и потому всѣмъ; а сія молодая особа, примолвила она, указывая на Россалину, не менѣе же меня вамъ благодарна. Сей день почитаю я счастливѣйшимъ въ моей жизни, отвѣтствовалъ Пренвиль; понеже показалъ въ оной истинное мое къ вамъ усердіе. Клянусь вамъ; государыня, продолжалъ онъ, что ничто въ свѣтѣ не могло бы произвести во мнѣ такого удовольствія, какое чувствую я теперь, избавивъ васъ отъ наступающей опасности. Дѣйствительно, сказалъ онъ обратяся къ Россалинѣ, само небо, хранящее всегда гонимую непорочность, ниспослало меня къ вашему защищенію. Оно соединивъ меня съ моимъ другомъ, вложило въ сердца наши желаніе выѣхать изъ Генуи.

И такъ я вижу съ толикую нетерпѣливостію ожидаемаго вами друга, отвѣтствовала Россалина. Одолженіе, которое оказалъ онъ намъ сего дня, есть истинный знакъ его къ вамъ дружества. С. Аманъ съ великою учтивостію благодарилъ ее за сіе привѣтствіе; послѣ чего всѣ находяся въ смущеніи и безпокойствѣ, совѣтовали другъ другу поспѣшать до какого

ни-

нибудь жила, чтобы отъ претерпѣннаго страха успокоиться.

Не удаляясь еще отъ сего плачевнаго мѣста достопамятнаго объявленнымъ приключеніемъ, Россалина примѣтила, что оно есть то самое, на которомъ она и въ перьвый разъ была ограблена, а наконецъ взглянулъ на умирающихъ уже разбойниковъ, узнала въ нихъ тѣхъ самыхъ, коєрыми привязана она была къ дереву. Небо, неоставляющее безъ наказанія и единаго злодѣянія, отмстило обиду мою самымъ чуднымъ образомъ, говорила она, и я дѣйствительно признаю справедливый гнѣвъ его въ смерти сихъ разбойниковъ.

Сіи злодѣи мѣсяцовъ съ 6 причиняли убійства и грабленіи, не будучи ни кѣмъ поиманы; понеже совершивъ свое злодѣйство уходили въ самыя отдаленныя и скрытыя мѣста, между горъ находящіяся, и какіе бы поиски за ними учинены ни были; однако не возможно бы открыть ихъ убѣжища. Италія весьма наполнена сими бездѣльниками, и сколько ни стараются истребить оныхъ, однако тщетно.

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Идучи около часа Россалина со всѣми ея товарищами, достигала одного постоялаго двора, гдѣ они остальную часть дни употребили на успокоеніе, отложивъ отъѣздъ свой до слѣдующаго утра. Пренвилъ и его другъ получили дозволеніе отъ сихъ женщинъ проводить ихъ до самаго Медіолана. Опасность, въ которой они за нѣсколько часовъ находились, принудила оныхъ съ удовольствіемъ принять сіе предложеніе отъ своихъ избавителей.

Пренвилъ почиталъ себя несказанно счастливымъ, возмогши Россалину привесть до того, что она не запрещала уже болѣе ему убѣгать ея присутствія. Она столь тронута была его благодѣяніемъ, что не могла болѣе употребить притворства. Когда же съ благодарностію любовь соединена была, то ей тѣмъ паче тягостно было сопротивляться своей страсти, которая ее къ Пренвилю привлекала. Глаза, не повинуясь болѣе разсудку, объявляли тайну ея сердца. Я ему обязана моею жизнію

помышляла она, а ежели обрѣту родителей, то обязана ему буду и моимъ счастіемъ. Но всѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ мнѣ, не столь драгоцѣнны, какъ единая его нѣжность. Она одна можетъ меня учинить благополучною; но по всему вижу, что мнѣ невозможно будетъ наслаждаться оною.

Въ то время, какъ Россалина упражнена была сими мыслями, г. Бурсетъ, желая осмотрѣть изрядный садъ подлѣ сего постоялаго двора находящійся, пошла въ оный съ Сентъ Аманомъ, пригасивъ его въ товарищи. Пренвиль пользуяся симъ благосклоннымъ случаемъ, остался на единѣ съ своею обладательницею, которая по претерпѣніи упомянутой прежде опасности, въ такой слабости еще находилась, что не могла слѣдовать за своею пріятельницею. Не я тому причиною, прекрасная Россалина, говорилъ Пренвиль, что въ противность повелѣнія нахожуся съ вами; но любовь, владычествующая мною, желая употребить меня къ вашему спасенію, стопами моими управляла. Когда вы чрезъ нѣсколько дней съ двора не выходили, то она наполнивъ сердце мое смущеніемъ, вдохнула въ него любопытство провѣдать о вашихъ обстоятельствахъ. Узнавъ же, что вы поѣхали

хали въ Медіоланъ, немедлѣнно и самъ отправился въ сей городъ, желая хотя находясь съ вами въ одномъ мѣстѣ единымъ питаться воздухомъ. Вамъ извѣстно, что послѣ сего со мной случилось, и ежелибъ. . . Знаю, знаю, прервала рѣчь его Россалина, что сердцу моему надлежало бы быть наградою за столь важное благодѣяніе; но вамъ не безъизвѣстно мое состояніе. Вы сами признаетесь что я немогу разполагать такимъ имѣніемъ, надъ которымъ другія полномочную власть имѣютъ; но ежели бы токмо слѣдовать мнѣ моимъ чувствіямъ, то поверьте, великодушный Пренвиль, чтобы вы злощастны не были. Я не хочу скрыть сего. Не имѣвъ еще отъ васъ никакого одолженія, чувствовала я къ вамъ такую склонность, которую можно назвать страстнѣйшею любовію; но при всемъ томъ знаю, что повелѣваетъ мнѣ честь и здравый разумъ. Знаю и то, что не наруша благопристойности немогу ослушаться сихъ строгихъ повелителей. Жалуйтесь на судьбу, а не на меня о вашемъ несчастіи, которое бы я весьма скоро прекратила, когда бы токмо мнѣ было то возможно. Станется, что уже счастіе намъ лучшую судьбу приуготовляетъ. Я ѣду въ Медіоланъ, надѣясь обрѣсти тамъ моихъ родителей.

 Не

Не возбраняю вамъ просить ихъ о совершеніи вашего благополучія; а ежели онъ отъ моей воли зависѣть будетъ, то поверьте, что я не умедлю вамъ даровать его. Но ежели злобная судьба не возвратитъ мнѣ родителей, то я не въ силахъ уже буду прекратить вашего несчастія. По крайней мѣрѣ я его раздѣлю съ вами, и ежели состраданіе мое будетъ вамъ пріятно, то вы въ скорби вашей будете еще имѣть нѣкоторую отраду. Знаю, что вы имѣете право требовать, чтобы я сама разполагала моею рукою, но можетъ быть она предъопредѣлена уже кому нибудь другому отъ моихъ родителей; однако они, не упоминая вашего произхожденія и богатства, не имѣли бы причины и опорочить собственный мой выборъ.

Я не заслуживаю той милости, которую вы мнѣ являете отвѣтствовалъ Пренвиль, и сколько бы судьба сурова противъ меня ни была, однако я сочту себя всегда счастливымъ; понеже вы меня не ненавидите. Старанія, попеченія и труды самые тягчайшіе будутъ для меня впредь пріятны; понеже мнѣ позволено надѣяться. Чего мнѣ желать болѣе? Но прекрасная Россалина, продолжалъ Пренвиль, я не думаю, чтобы судьба не смягчилась противъ такой особы, которая ея благосклонности то-

достойна, какъ вы. Любовь, подавшая мнѣ случай спасти жизнь вашу въ началѣ сего путешествія, есть истинный залогъ въ томъ, что окончаніе онаго не будетъ неудачно. Но чтобы судьба ни произвела съ вами, позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ отъ васъ не удаляться. Ежели вы опасаетесь слышать отъ меня нѣкоторыя слова нѣжностію въ уста мои влагаемыя, то повѣрьте, что я умѣю себя къ молчанію принудить, и сколько бы сіе принужденіе тягостно для меня ни было; однако, желая соблюсти всѣ ваши повелѣнія, и опасаясь въ противномъ случаѣ раздражить васъ, согласуюсь понести оное безъ роптанія. Наслаждаясь ежечасно зрѣніе вашихъ прелестей, умерщвлю мои воздыханія, и буду содержать языкъ во всегдашней неволѣ. Глаза мои не менѣе скромны будутъ и не изъявятъ вамъ ничего кромѣ глубокаго почтенія.

Получа отъ васъ столь много одолженія, не могу требовать, чтобы вы удалились моего присутствія, отвѣтствовала Россалина. Признаюсь, что любовь и благодарность опровергаютъ сію строгость; но къ чему все сіе стремиться будетъ? Я знаю, что общія наши сокрушенія тѣмъ паче увеличается; знаю, что мое слабое сердце безпрестанно влекомо будетъ къ тому

му сокровищу, котораго строгій долгъ его лишаетъ. Ваше отсудствіе споспѣшествовало бы взаимному нашему спокойствію, и можетъ быть въ разлукѣ другъ отъ друга нашли бы мы изцѣленіе нашей скорби . . . Увы! Прекрасная Россалина, вскричалъ Пренвиль, запрещеніе васъ видѣть всего тягостнѣе для меня въ свѣтѣ. Повелѣвайте или окончать дни мои или находиться при васъ безотлучно. Я сказала уже вамъ, отвѣтствовала Россалина, что не имѣю права возобновить вамъ повелѣнія меня не видѣть. Живите и находитесь всегда со мною, когда дни ваши отъ суетнаго сего счастія зависятъ.

Пришествіе г. Бурсетъ прекратило разговоръ сей. Сантъ Аманъ которому свобода отъ монастырскаго ученія возвратила весь шутливый и веселый нравъ его, старался сколько возможно было повеселить до ужина разговорами своими сихъ женщинъ; а какъ они думали на самомъ разсвѣтѣ пуститься въ путь свой то заблаговеменно и ушли въ ихъ спальню; но въ самую средину ночи разбужены они были однимъ приключеніемъ, которое и весь постоялый домъ встревожило.

ПОВѢСТЬ ОТЦА АНЖЕЛЛО И ИЗВОЩИКА ІОАННИНИ.

Въ семъ постояломъ домѣ жила одна дѣвушка изряднаго нрава. Она находилась всегда въ готовности исполнять надобность всякаго проѣзжающаго, и ни въ какомъ требованіи отказывать ему не любила. Сей промыслъ, который отправляла она съ великою скромностію и искуствомъ, приносилъ ей довольно денегъ. Оныя и опредѣлены ею были на приданное. Одинъ Піемонтской извощикъ былъ тотъ счастливецъ, котораго она назначила своимъ супругомъ, даровавъ ему на щетъ будущаго ихъ гимна довольные знаки ея горячности. Іоаннини, такъ назывался сей извощикъ, считалъ себя единымъ обладателемъ прелестей Юліи, не вѣдая того, что было весьма много участниковъ въ его сокровищѣ. Но Юлія готовилась быть его супругою, то она всячески скрывала отъ него свое поведеніе, и въ то время, какъ Іоаннини бывалъ въ постояломъ домѣ, казалась она воздержнѣе самой Кармелитской монахини (*); когдажъ онъ на-

(*) Кармелитской орденъ есть почти самый строжайшій изъ всѣхъ женскихъ. Монахини онаго, нося токмо однѣ волосяницы, хо-

напротивъ того бывалъ въ отлучкѣ, то она обильно награждала себя за понесенное воздержаніе.

Нѣкоторый монахъ, называемый отецъ Анжело, одинъ изъ наилучшихъ Францисканов, бродящихъ по Италіи, обратилъ въ ничто все благоразуміе предосторожности Юліи. По прибытіи его въ сей постоялый домъ, вскинулъ онъ набожные свои взоры на сію рѣзвую служанку, и будучи въ любовныхъ обхожденіяхъ преискусенъ, вознамѣрился испытать целомудріе сей веселой дѣвушки, и присоединить ее, ежели возможно, къ изрядному числу другихъ, которыя въ спискѣ его находились. Такимъ образомъ скромныхъ видомъ подступивъ онъ къ сей Лукреціи (*), взялъ у ней руку, и нѣжно пожимая оную говорилъ такъ: ну, дочь моя рачительно ли ты отправляешь свою должность? Хозяинъ доволенъ ли твоими услугами? когда повинуемся мы тѣмъ, которые имѣютъ право

ходятъ босыми ногами, употребляютъ пищу самую суровую, и много подобнаго ему соблюдать обязаны.

(*) Лукреція была Римская женщина, которая сама себя убила, немогши снести учиненнаго ей насилія отъ Секста сына гордаго Тарквинія.

право повелѣвать нами, то тѣмъ самимъ повинуемся Богу.

Я всякаго стараюсь по возможности моей удовольствовать, отвѣтствовала Юлія, да думаю и господа на меня не пожалуются. Тѣмъ лучше, отвѣтствовалъ Францисканецъ. Я люблю молодыхъ, примолвилъ онъ, и хочу подарить тебѣ изрядные чоточки, украшенныя серебряными бляшками, и благословенныя самимъ Папою, токмо съ тѣмъ, чтобы ты воспоминала меня въ твоихъ молитвахъ. Мнѣ бы надлежало препоручить себя вашимъ, отвѣтствовала смиренно Юлія. Боже мой, вскричалъ францисканецъ, я не столь святъ какъ ты думаешь. Я бы хотѣлъ быть такимъ, но напротивъ того есть великій грѣшникъ, котораго спокойствіе весьма скоро нарушится, когда часто на тебя смотрѣть буду. Ты столь хороша собою дѣвушка, что всякаго въ соблазнъ привести можешь, и хотя я для моего путешествія не болѣе двухъ золотыхъ цехиновъ при себѣ имѣю; однако и тѣми бы охотно тебѣ жертвовалъ. Но ты знаешь радость моя, что обходясь съ нами надлежитъ умѣть хранить тайну. Правда, что женщины и собственную въ томъ находятъ пользу; потому что отъ насъ никогда не пронесется объ нихъ худая слава. Мы такъ же, какъ

и вы, продолжалъ Францисканъ, имѣемъ нужду въ покрывалѣ для закрытія онымъ дѣлъ нашихъ отъ общества. Столь полезныя предложенія поколебали сердце Юліи. Двухъ золотыхъ цехиновъ и сохраненія тайны было не токмо довольно, но еще много для прельщенія услужливой служанки; да кажется, что уменьшая и увеличивая сію сумму и многихъ Европейскихъ женщинъ соблазнить бы можно было.

Между тѣмъ нѣкоторое почтеніе, которое одеждою Францисканскою вдохнуто было въ сердце Юліи, принудило ее не отвѣтствуя ничего потупить глаза въ землю. Молчаніе было знакомъ внутренняго ея согласія, а искусный Францисканецъ и примѣтилъ немедлѣнно дѣйствіе его цехиновъ. Когда всѣ успокоятся, то я принесу въ твою спальню сію небольшую сумму, говорилъ онъ, показывая ей свои деньги, и не забуду такъ же и обѣщанныхъ тебѣ чотокъ. Но припомните и то, что госпожа моя ложится весьма поздно, отвѣтствовала Юлія; и такъ подъ какимъ предлогомъ не возвратитесь вы въ вашу спальню. Въ семъ случаѣ служебникъ мой за меня отвѣтствуетъ, сказалъ святыню злоупотребляющій Францисканецъ, ежели я захочу, то служеніе продолжать буду до самаго разсвѣта; и такъ товарищи не

мо-

могутъ ни въ чемъ подозрѣвать меня, какъ бы поздно я къ нимъ не возвратился. Вы довольно благоразумны, говорила Юлія, дѣлайте все такъ какъ вамъ угодно. Я сплю въ сей маленькой комнатѣ, которая находится подлѣ кухни. Я не замкну дверей у оной, и вы смѣло приходите, токмо не забывайте чотокъ и двухъ цехиновъ.

Лишь токмо мѣсто свиданія было назначено, то святый отецъ во весь вечеръ отъ разговоровъ съ Юліею, опасаясь тѣмъ навлечь на себя подозрѣніе. На конецъ накрыли столъ на пять приборовъ; при чемъ набожный Францисканъ, испрося у женщинъ позволенія, сѣлъ съ ними ужинать. Во время стола мудрыми и душеспасительными своими разговорами обратилъ къ себѣ всѣхъ присутствующихъ, и цѣлыя почти страницы прочитывалъ изъ пролога хотя и неочень къ стати: однимъ словомъ, не оставилъ онъ ни одного святаго, чтобы не расказать чего нибудь о чудесахъ его. Паче же всего превозносилъ непорочность Карла Великаго, воздержаніе Доминика, учредителя инквизиціи, и терпѣніе Игнатія, который будучи тритцати лѣтъ, давалъ себя сѣчь лозами такъ какъ ученикъ 12 ти, или 15 ти лѣтъ, между которыми онъ находился. Вышедъ

изъ

изъ за стола вооружился онъ своимъ большимъ служебникомъ, и объявилъ всѣмъ присутствующимъ, что праздникъ завтрешняго святаго есть не послѣдній; и потому служба его продолжаться имѣетъ весьма не долго. Наконецъ примолвилъ, что хотя онъ находится и въ дорогѣ, однако по числу своему долженъ нѣкоторые обряды совершить непремѣнно. Женщины, Пренвиль и С. Аманъ оставивъ сего почтеннаго отца возвратились въ свои покои. Хозяйка соскучивъ такъ же слушать его ворчаніе, которое не умолкая продолжалъ онъ болѣе трехъ часовъ читая псалмы, ударяя себя въ грудь и дѣлая частыя колѣнопреклоненія, оставила его въ набожной сей работѣ и ушла спать.

Все способствовало такимъ образомъ любовнымъ дѣламъ роскошнаго монаха, который видя, что вездѣ глубокая тишина господствовала, взялъ свои цехины и четки, и пошелъ потихоньку въ комнату своей любовницы. Она ожидая къ себѣ гостя не загасила одной не большой лампады, при сіяніи которой увидѣлъ Францисканецъ свою Юлію на весьма дурной постелѣ, которая однако влюбленнымъ глазамъ его казалась прекрасною и великолѣпною. Затворите двери, сказала ему служанка. Хотя люди и спятъ; однако предо-

досторожности не мѣшаютъ. Францисканецъ исполнилъ ея повелѣніе и заваливъ всѣ входы въ сію комнату, раздѣлся и легъ подлѣ любезной своей Юліи. Онъ яко искусившейся Францисканъ, не долго пребывая въ первомъ положеніи, вздумалъ отъигрывать свои цехины и прочее. Чуть только началъ онъ сладкое сіе провожденіе времени, какъ услышалъ нѣкоторой шумъ подлѣ кровати; но подумавъ нѣсколько, приписалъ его сугубой тягости. Спустя нѣсколько времяни почувствовалъ жестокіе себѣ удары. Въ истинну ходила около его спины добрая почтовая плеть, которая и принудила Францискана, яко алчнаго ястреба, разстаться съ своею добычею. Когда бы онъ во всѣхъ свѣтскихъ, а паче любовныхъ приключеніяхъ не столько былъ искусенъ, то бы въ перьвомъ страхѣ конечно подумалъ, что сатана наказуетъ его за учиненное прегрѣшеніе; но непогасшая еще лампада тотчасъ показала, что ему раздѣлаться должно не съ духомъ, но съ человѣкомъ, имѣющимъ плоть и кости. Юлія пришла еще въ пущее замѣшательство, когда она въ семъ зломъ духѣ узнала извощика Іоаннини, готовящагося быть ея супругомъ. За нѣсколько еще времяни предъ симъ имѣлъ онъ на нее нѣкоторое подозрѣніе, примѣтя, что она дол-

го съ Францисканцомъ разговаривала, вздумалъ присмотрѣть по прилѣжнее за ея поведенiемъ, и для того легъ подъ кровать оной. Но какъ извощикъ такъ сказать дышалъ ненавистiю и ревностiю къ почтенному отцу, то онъ не удовольствуяся перьвымъ его наказанiемъ, и возобновивъ оное влепилъ въ спину онаго около полудесятка самыхъ жестокихъ ударовъ плетью, которые изторгли изъ него ужасной вопль и принудили его дѣлать самыя странныя тѣлодвиженiя.

Извощикъ забавляяся симъ дѣйствiемъ, повторилъ оное нѣсколько разъ по прежнему порядку; но чтобъ довершить сiю комедiю, то счелъ онъ за нужное наказать и любовницу свою за ея невоздержность. Лишь только сдѣлалъ онъ ей нѣсколько ударовъ плетью, то она начала кричать изо всей силы. Вопль, соединенный съ плачемъ наставника душъ, который разбудилъ всѣхъ находящихся въ постояломъ домѣ, кои въ несказанномъ замѣшательствѣ сбѣгались къ тому мѣсту, откуда происходилъ оный. Пришедъ же къ спальнѣ Юлiи, никто не могъ отворить дверей въ оную. Извощикъ не взирая на сiе, поимавъ обѣихъ любящихся безъ милосердiя наказывалъ плетью, точно почти такъ, какъ сѣкутъ

ма-

манежныхъ лошадей, привязанныхъ между двумя столбами.

Наконецъ безпрестанное повторенiе ударовъ выведши Пренвиля и С. Амана изъ терпѣнiя, принудило ихъ дверь выломить. Тогда хозяинъ купно съ хозяйкою вошли въ сiю комнату, и увидя Iоаннини въ семъ упражненiи, въ такое пришли удивленiе, что не въ состоянiи были утишить гнѣвъ свирѣпаго извощика, и прервать немилосердое его наказанiе, которое онъ и въ присутствiи всѣхъ зрителей продолжалъ по прежнему, какъ надъ своимъ соперникомъ, такъ и любовницей. Усмиривъ наконецъ волнующееся сердце, разсказалъ онъ всѣмъ присутствующимъ приключенiе сiе, такъ какъ оно дѣйствительно произходило; послѣ чего и изгнана была изъ дому съ немалымъ стыдомъ бѣдная Юлiя. Нѣкоторой остатокъ нѣжности въ извощикѣ удерживалъ руку его, когда онъ наказывалъ свою невѣрную любовницу, и потому полученные его удары несравнено были легче тѣхъ, коими наградилъ онъ преподобнаго Францискана, который кажется, что мѣсяца съ два послѣ сего могъ еще чувствовать слѣдствiя своей неумѣренности. Онъ лишился двухъ цехиновъ и четокъ, а сверхъ сей договоренной цѣны высѣченъ былъ безъ всякаго милосердiя.

Столь смѣшное приключеніе привело въ смѣхъ всѣхъ присутствующихъ. Женщины перьвыя тому хохотали. Госпожа Бурсетъ развеселяся симъ позорищемъ, хотѣла пристальнѣе посмотрѣть на Францисканца. Она дожидалась въ кухнѣ, пока онъ одѣлся и вышелъ изъ Юліиной спальни, но его видъ былъ столь печаленъ, что ей совѣстно было усугубить его прискорбіе своими насмѣшками, и она не сказавъ ни слова дала ему пройти спокойно. Вы очень великодушны, сказалъ Сентъ Аманъ госпожѣ Бурсетъ, и ежели бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то бы изъ сего сдѣлалъ себѣ цѣлую комедію. Развѣ бы тебѣ непротивно было, сказалъ ему Пренвиль, когда бы во время твоего монашества, по учиненіи жестокихъ тебѣ побоевъ, сдѣлали бы такую же насмѣшку. Когда бы мнѣ случилось быть въ подобныхъ симъ обстоятельсвахъ, отвѣтствовалъ С. Аманъ, то бы и я послѣдовалъ его примѣру, понесъ все съ терпѣніемъ. И подлинно, примолвила госпожа Бурсетъ, ему ничего лучшаго не можно было сдѣлать. Послѣ сего понеже ѣхать въ путь было еще рано, а ложиться паки спать весьма поздно, то они проводили остальную часть ночи разсказываніемъ другъ другу подобныхъ сему приключеній.

Лишь

Лишь только разсвѣтать начало, то всѣ путешествующие къ отъѣзду приуготовились. Пренвиль и С. Аманъ изготовили также коляски для своихъ женщинъ; но токмо что они хотѣли садиться въ оныя, какъ пріѣхала въ сей постоялый домъ другая провождаемая двумя верховыми. Госпожа Бурсетъ полюбопытствовала знать, кто таковы были проѣзжающіе въ оной; но не успѣла еще коляска сія приближиться къ крыльцу, какъ она увидѣла въ ней графа Дорію, который увидя ее взаимно, казался быть тѣмъ весьма доволенъ. Онъ какъ скоро вышелъ изъ коляски, то обнявъ г. Бурсетъ говорилъ ей: вы, дражайшая пріятельница, храните у себя мое имѣніе, которое я выше всѣхъ сокровищъ въ свѣтѣ почитаю. Но что такое вамъ принадлежащее я у себя имѣю? съ великимъ удивленіемъ отвѣтствовала г. Бурсетъ. Гдѣ находится та молодая дѣвица, которую ваш супругъ вручилъ вамъ, сохранивъ жизнь ея? Вотъ она, отвѣтствовала г. Бурсетъ, указывая на Россалину. Ахъ, любезная дочь! вскричалъ графъ, заключивъ ее въ свои объятія. Колико слезъ я по тебѣ пролилъ! Но они обильно награждены тѣмъ удовольствіемъ, которое я увидѣвъ тебя чувствую.

Россалина находясь почти безъ чувствія, не могла ничего отвѣтствовать, и токмо что отъ радости проливала слезы; наконецъ ободряся говорила такъ: дражайшій родитель! я теперь начинаю чувствовать совершенное удовольствіе, понеже имѣю счастіе облобызать того, который бытіе даровалъ мнѣ, и котораго я съ толикою жадностію обрѣсти желала. Гласъ естества повелѣвалъ уже мнѣ любить и почитать ваше имя; разсуждайте, любезный родитель, о великости настоящаго моего благополучія по обширности желанія получить оное. Твои мысли, любезная дочь, возводятъ меня на высочайшій степень удовольствія, и небо, разлучившее насъ на нѣкоторое время, возвращаетъ мнѣ тебя со всѣми достоинствами, принадлежащими твоему произхожденію.

Послѣ перьвыхъ движеній радости графа Доріи, онъ, госпожа Бурсетъ, Россалина, С. Аманъ и влюбленный Пренвиль, который веселился о ея благополучіи, какъ о своемъ собственномъ, вошли въ постоялый домъ. Я не имѣю теперь нужды, любезная дочь, говорилъ графъ, скрывать отъ тебя причины разлуки нашей. Какъ скоро провѣдалъ я чрезъ письмо отъ монахинь Венеціаскихъ о твоемъ приключеніи, то не медля ни мало самъ отправился къ

г. Бурсетъ, опасаясь уже иному кому тебя повѣрить. Съ сими намѣреніями выѣхалъ я изъ Медіолана, гдѣ находился было для скорѣйшаго свиданія съ тобою и удобнѣйшаго полученія извѣстій отъ тѣхъ служителей, которыхъ я посылалъ въ Венецію для освѣдомленія о твоемъ приключеніи. Для сихъ же самыхъ причинъ, то есть для свиданія съ вами, и мы ѣхали въ Медіоланъ, отвѣтствовала г. Бурсетъ, надѣясь посредствомъ надписи, которую мы изъ Венеціанскаго монастыря получили, обрѣсти родителей прекрасной Россалины. Наконецъ по многихъ разговорахъ сказалъ графъ, что онъ не можетъ болѣе терпѣть, что бы не объявить имъ дѣйствительную причину, побудившую его скрывать отъ общества рожденіе своей дочери.

ПОВѢСТЬ ЛУЦИНДЫ КВАГЛІО И ГРАФА ДОРІИ.

Вамъ извѣстно, продолжалъ онъ, что родители моей супруги опредѣлили ее принесть въ жертву своему сыну, и отдавъ ее въ монастырь оставить ему въ наслѣдство все свое имѣніе, а тѣмъ самимъ подать способъ достигнуть величайшихъ достоинствъ въ Республикѣ. Баронъ Квагліо принудилъ дочь свою въ пятьнатцать лѣтъ постричься. Младая Луцинда, такъ называлась тогда моя супруга, заключена была въ монастырь хотя и не весьма строгой, но однако скучной и несносной для того, который находится въ немъ по неволѣ. Я имѣлъ въ сей обители родственницу, которую посѣщалъ не рѣдко. Полтора года спустя послѣ постриженія Луцинды, въ одно время случилось мнѣ быть у решѣтки, подлѣ которой находилась и она для свиданія съ своею пріятельницею. Я разговаривалъ съ нею около получаса и нашелъ въ оной столь много остроумія и здраваго разсужденія, что въ сердцѣ моемъ родилось

лось сожалѣніе о ея дурной участи. Съ огорченіемъ увидѣлъ я приближеніе того часа, который имѣлъ насъ разлучить, и не разставшись еще съ нею спрашивалъ, часто ли она приходитъ къ сей решеткѣ? Почти всякой день у ней бываю, отвѣтствовала Луцинда. По какому же нещастію никогда я васъ не видалъ прежде, говорилъ Графъ? Для того, сказала она усмѣхаясь, что вы дурно умѣете избирать время; но ежели вы всякой день въ 11 часовъ приходить будете, то конечно никогда не пожалуетесь болѣе на неудачу. Не вѣрьте ей, сказала мнѣ перервавъ рѣчь ея та женщина, съ которой она прежде разговаривала; Луцинда забавляется и хочетъ токмо васъ провести. Она никогда въ объявленное время къ решеткѣ не приходитъ; но я дѣйствительно вамъ скажу, въ которые часы она находится у оной. Приходите завтре въ 2 часа по полудни. Вы увидите исполненіе словъ моихъ; я вамъ за сіе ручаюсь, понеже я и сама въ сіе же время приду съ нею повидаться.

Луцинда долго опровергала увѣдомленіе ея пріятельницы, объявляя взаимно, будто она токмо на мой щетъ повеселиться думаетъ. Не взирая на всѣ сіи споры я пришедъ на завтрее въ два часа по полу-

 дни,

дни, нашелъ Луцинду купно съ своею пріятельницею у решетки. Вотъ, государыня, говорилъ я ей, вы видите, что я справедливымъ наставленіямъ последовалъ, оставя съ неудачею ваше ложное объявленіе. Вы темъ обязаны госпоже Коріо, а не собственной догадке вашей, ответствовала она. Ей хотелось вамъ показать, что она меня чистосердечнее; но я васъ уверяю искренно, что вы надежны верить ея словамъ больше, нежели моимъ. Я ее довольно знаю, продолжала Луцинда смеючися, и смею васъ уверить, что она сего дня для того токмо пришла въ объявленное время, чтобы темъ более вкрасться въ вашу поверенность. Какъ бы то ни было государыня, ответствовалъ я ей, однако считаю себя весьма обязаннымъ госпоже Коріо, и хотя бы ея пришествіе основано было на чистосердечіи, или на хитрости; однако я имъ равно доволенъ, понеже посредствомъ его имею удовольствіе васъ видеть. Ежели то такъ, ответствовала госпожа Коріо, то я покажу вамъ, что я чувствительна противъ вашей ко мне благодарности! И такъ объявляю вамъ, продолжала она, что Луцинда всякой день видается со мною въ сіе время, и вы всегда найдете ее въ два часа по полудни у решетки. Не верьте ей, прервала речь ея

Лу-

Луцинда. Она не всегда бываетъ искренна. Не можно мнѣ сумнѣваться ни мало о справедливости словъ г. Коріо, послѣ сего перьваго опыта ея чистосердечія, отвѣтствовалъ я. Такъ, такъ, вы въ нихъ никогда не ошибетесь, примолвила она смѣючися, и увидите, что я лгать не умѣю.

Съ сего самаго дня не рѣдко видаяся съ Луциндою, нечувствительно лишился я моей свободы. Съ госпожею Коріо удалось мнѣ тѣсное заключить дружество, а она примѣтя страсть мою, имѣла повѣренность во всѣхъ моихъ тайностяхъ, и послѣ немало способствовала къ моему благополучію.

Луцинда была противъ меня такъ же нечувствительна; любовь и надъ нею, равно какъ и надо мною, распространила свою силу. Она хотя и старалась оной сопротивляться, однако наконецъ побѣда моя была совершенна. Прекрасны ее аглаза, возвѣстивъ мнѣ тайну ея сердца объявили мое благополучіе; но чрезъ долгое время не могъ я изъ устъ ея получить сего сладчайшаго признанія. Вѣчные ея съ монастыремъ союзы казались ей непреодолимыми препонами къ достиженію общаго нашего благополучія.

Любовь

Любовь уничтожила однако всѣ сіи затрудненія. Луцинда одинакимъ со мною пылая пламенемъ, не препятствовала мнѣ въ изысканіи путей къ общему нашему счастію, и я не находилъ удобнѣе того, которой мы чрезъ помощь монастырской привратницы имѣть могли. Сто пистолей преклонили ее на мою сторону, и она учиня на воску изображеніе ключей отъ дверей монастырскихъ, немедлѣнно мнѣ подарила оное. Здѣлавъ по сему образу свои ключи входилъ я помощію ихъ почти каждую ночь въ садъ монастырской, въ которомъ проводилъ я съ Луциндою самыя сладчайшія для любящихся минуты. Слѣдствіе сихъ свиданій привело обѣихъ насъ въ смущеніе. Она примѣтила свою беременность, и я не теряя времяни въ тщетныхъ сокрушеніяхъ, старался о отвращеніи предстоящаго ея нещастія. Наконецъ по многомъ размышленіи не находилъ инаго спасенія кромѣ разрѣшенія клятвъ ея отъ Папы. Въ слѣдствіе сего поѣхалъ я по почтѣ въ Римъ, и объявивъ, что она насильно приняла на себя иноческій образъ имѣлъ счастіе въ 4 недѣли исходатайствовать ей разрѣшеніе отъ монашества, не взирая на всѣ сопрошиваленія ея родителей.

Лишь только Луцинда вышла изъ монастыря; то, видя приближеніе разрѣше-

нія своего отъ бремени, поспѣшила сочетаться со мною законнымъ бракомъ. Мы надѣялись, что имѣющейся родиться младенецъ можетъ почесться за семи мѣсячный, а потому и начавшійся, уже по освобожденіи изъ монастыря Луцинды, но скоро послѣ сего примѣтили, что надежда суетно насъ ласкала. Разрѣшеніе ея находилось несравнено ближе, нежели мы думали: но какъ Луцинда не могла того снести, что обществу открыта была ея слабость, учиненная еще въ монашествѣ; то немедлѣнно и отправились мы въ наши деревни. Въ семъ мѣстѣ супруга моя тайно родила Россалину, которую и отдалъ я воспитывать одной старухѣ, не объявляя кому она принадлежала. Возраствивъ же до трехъ лѣтъ препоручилъ я другой женщищинѣ отдать ее въ одинъ монастырь въ Венеціи.

Кажется что небо желало насъ наказать за отдаленіе того младенца, которое оно намъ доровало; понеже во время 17 ти лѣтъ нашего брака, хотя мы и столь же горячо другъ друга любимъ, какъ первый день сочетанія моего съ Луциндою, однако Россалина ни брата, ни сестры у себя не имѣла. Между тѣмъ желаніе увидѣть единородную дочь свою истребило суетныя

стныя мнѣнія графини Доріи. За нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ послалъ я въ Венецію туже самую женщину, которая Россалину въ монастырь отдала для изключенія ее изъ онаго, принудивъ ее на передъ учинить клятву, что бы не объявлять Россалинѣ до прибытія въ Генуу ея состоянія, а притомъ для удовольствія нѣкоторымъ образомъ ея любопытства увѣрить бы ее, что она родилась въ Медіоланѣ.

Всѣ сіи предосторожности принялъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы молодая особа услыша вдругъ, что она отъ знатнаго происходитъ рода, нескромностію своею не открыла тайны о ея рожденіи, и тѣмъ бы не нанесла безславія Луциндѣ, которая онаго всего болѣе опасалась. Разсуждайте теперь о моемъ безпокойствѣ, когда я чрезъ два мѣсяца тщетно ожидалъ моей дочери и старухи, которая за нею была послана, никакого объ нихъ не получалъ извѣстія. Я писалъ къ Венеціанскимъ монахинямъ ложнымъ назвавшись имянемъ, и посылалъ многихъ служителей для освѣдомленія, что приключилось съ Россалиною, однако тщетно. Неизвѣстность сія приводила меня въ отчаяніе и я для удобнѣйшаго продолженія моихъ поисковъ поѣхалъ

въ

въ Медіоланъ, а графиня для скрытія отъ общества своей грусти отправлялась въ деревню. Но когда я уже почиталъ себя совершенно лишеннымъ моей дочери, въ то время получилъ письмо отъ монахинь, которыя по ложной надписи, оставленной у нихъ моими служителями, увѣдомляли меня о всѣхъ приключеніяхъ Россалины. Лучше вообразить, нежели описать можно тогдашнюю мою радость. Не медля послѣ сего ни мало поѣхалъ я съ вами видѣться, продолжалъ рѣчь свою обращася, и кажется, что милосердое небо, желая предускорить моимъ благополучіемъ, вдохнуло и въ васъ желаніе въ Медіоланъ отправиться. Графиня, моя супруга, извѣстна думаю также о судбинѣ ея дочери; понеже посланному отъ меня къ ней съ симъ извѣстіемъ надлежитъ уже у ней находиться. Теперь намъ не остается ничего дѣлать, продолжалъ графъ, какъ поѣхать въ мою деревню и вручить Россалину ея матери, которая со всевозможною нетерпѣливостію ее ожидаетъ.

Не всѣ еще наши приключенія вамъ извѣстны, сказала г. Бурсетъ графу Дорію, можетъ быть безъ помощи сихъ великодушныхъ Французовъ не имѣли бы мы счастія васъ видѣть. Она разсказала ему то-

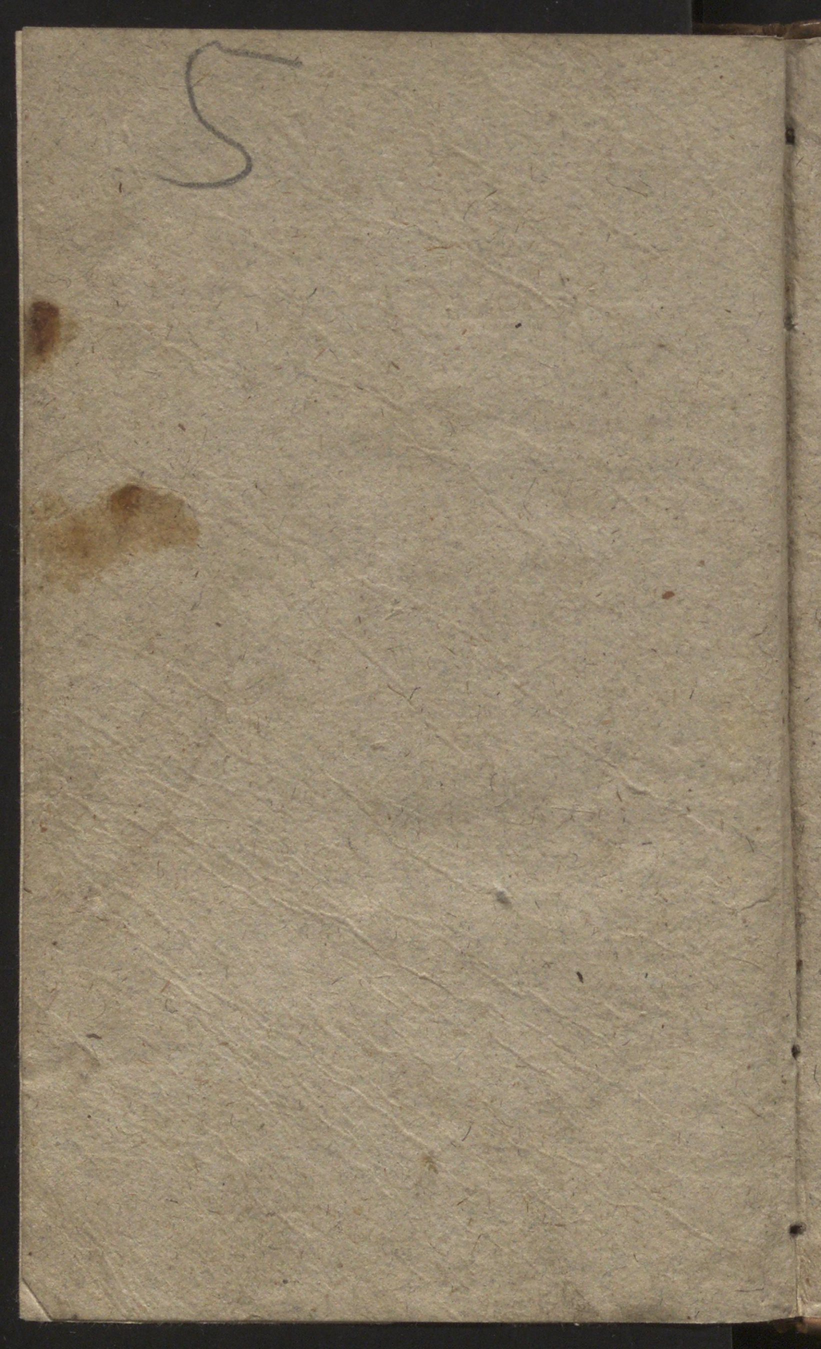
тогда подробно о нападеніи разбойниковъ и о избавленіи отъ нихъ стараніемъ Пренвиля и Сентъ Амана. Графъ услыша сіе благодарилъ ихъ наичувствительнѣйшимъ образомъ. Съ сего часа почувствовалъ онъ къ Пренвилю наинѣжнѣйшую пріязнь, и обнимая его говорилъ такъ: я вамъ всѣмъ обязанъ государь мой. Чѣмъ могу я заслужить ваше благодѣяніе? Вы мнѣ единую дочь мою возвратили. Какой подарокъ драгоцѣннѣе сего для отца быть можетъ? Наконецъ по многимъ взаимнымъ учтивостямъ просилъ онъ какъ Превниля, такъ и С. Амана ѣхать съ нимъ въ деревню, что бы тамъ быть свидѣтелями того благополучія, которымъ онъ имъ обязанъ. Они не отговаривались отъ сего предложенія. Пренвиль находился на вышнемъ степени своего удовольствія, а прекрасная Россалина, потупивъ глаза свои съ неописанною радостію, примѣчала начавшуюся пріязнь ея родителя къ Пренвилю.

Графъ увѣренъ будучи, что графиня, его супруга, въ крайней нетерпѣливости находится, не медлилъ ни мало отъѣздомъ своимъ въ деревню, при чемъ и всѣ за нимъ послѣдовали. Прибывъ туда нашли они у графини г. Бурсета, который уже дни три тамъ находился, и увѣдомясь,

что спасенная имъ дѣвица есть дочь графа Доріи его великаго благодѣтеля, находился о семъ въ крайнемъ удовольствіи. Наконецъ вспомнивъ, что его всегда какъ будто что понуждало представить Россалину графу и графинѣ, удивлялся сему тайному гласу провидѣнія.

Проводивъ перьвые дни во взаимной радости и во всевозможныхъ увеселеніяхъ, Пренвиль помышлялъ о любви своей. Онъ объявивъ истинное свое состояніе столь хорошо умѣлъ возпользоваться тою пріязнію, которую графъ во всякомъ случаѣ являлъ ему, что по нѣкоторымъ прозьбамъ отдалъ за него Россалину, съ которою Пренвиль проживъ до глубокой старости, непремѣнною любовію пылали одинъ къ другому .С.Аманъ принималъ участіе въ благополучіи его друга, и хотя онъ вышедъ изъ монастыря не могъ ни малѣйшаго получить наслѣдства, однако великодушіе Пренвиля столь обильно его награждало, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ нужды по самую свою кончину.

Конецъ третіей и послѣдней части

5

